

Сергей Панченко

Я СТИРАЮ
СВОЮ
ТЕНЬ **5**

ИДДК

Я стираю свою тень

Сергей Панченко

Я стираю свою тень. Книга 5

«ИДДК»

2023

Панченко С. А.

Я стираю свою тень. Книга 5 / С. А. Панченко — «ИДДК»,
2023 — (Я стираю свою тень)

Как же замечательно, когда у тебя есть семья, и можно каждый день ходить на работу, ходить на работу, ходить на работу. А потом, вдруг взять и поехать с женой и ребенком куда подальше, прихватив с собой родителей. Например, на другую планету, на которой неожиданно быстро начинаешь скучать по работе.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Панченко

Я стираю свою тень. Книга 5

© Панченко Сергей

© ИДДК

* * *

Все персонажи и названия являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Глава 1

В отличие от нас с Айрис, наш ребёнок получил полноценный статус жителя станции. Генетически он оказался здоровым и умственно полноценным, чтобы стать гражданином космоса без всяких ограничений. Как проводились оценки, я не знаю. Не знала этого и Айрис, потому что решение принимали высшие, взявшие на себя ответственность помогать молодым расам осваивать космическое пространство и гармонично вливаться в их сообщество. А это вам не ЕГЭ сдавать, на результат никак не повлияешь. Мне хотелось верить, что в сыне решающую роль сыграли мои гены, Айрис – что её. Мы пришли к компромиссу, что от меня были взяты усидчивость и стремление к знаниям, а от неё широта взглядов и сила духа.

Никас имел право поселиться на станции в любое время с нашего согласия. Бабка Вестлина обещала присматривать за ним, если мы решимся отдать его на время обучения в школе. Идея отправить ребёнка за сотню миллионов световых лет мне не особо нравилась, не говоря про Айрис, но, учитывая какую разницу предполагал этот выбор, решение требовало тщательного обдумывания. Каким я буду родителем, если стану держать сына возле себя, только чтобы не страдало родительское сердце в ущерб будущему ребёнку? Разница между средней школой в нашем городе и школой на станции была космической без всякой аллегии. Наш сын имел право выбирать и, признаться честно, мне, как коренному землянину, не хотелось, чтобы он прошёл тот же путь, что и я.

Но пока до этого события ещё оставалось достаточно много времени, наша полная семья старалась жить на полную катушку. Мы отправились в Петропавловск-Камчатский вместе с матерью и отцом, внезапно осознавшими, что прежний образ жизни был похож на добровольное заключение, где вместо кандалов к ним было прицеплено их огромное подворье. Его, кстати, удачно продали городским мечтателям с деньгами, решившими приобщиться на склоне лет ко всему своему. Мне было заранее их жаль.

Путешествие на Камчатку являлось мечтой моей матери, которой она болела со школьных лет. Увидела по телевизору вулканы, Долину гейзеров, огромные лопухи в два раза выше человеческого роста и решила, что когда вырастет, обязательно туда попадёт. Однако жизнь оказалась очень скучной штукой, мечта стала выглядеть несбыточной и даже ненужной. И только шанс снова прожить жизнь открыл им глаза, повторения прежнего не хотелось. Должен вам признаться, что после процедур восстановления в капсулах и последующего за ним омоложения организма я перестал считать своих родителей за таковых. Мы стали друзьями, которые иногда вместе куда-нибудь выбирались. Мать с отцом, после того как решили, что новую жизнь они проживут иначе, в соответствии с мечтами, которые у них были, будто бы перестали считать меня сыном.

Когда гид, собирающий туристов для восхождения на вулкан, оформляла документы и заметила, что имя отца соответствует моему отчеству, она поинтересовалась, не отец ли он мне.

– Нет, тёзка, – гордо ответил батя, не моргнув глазом. – Я его что, в детском саду заделал?

Внешняя разница между нами, конечно, ещё не достигла такого незначительного внешнего отличия, но на отца он уже не тянул точно. Сильно старший брат, не более. У матери совершенно исчезли седые волосы, а я уже и не помнил, когда она не была седой. Ей, как и всякой женщине, хотелось выглядеть ещё неотразимее, чем дала природа. Я был благодарен Айрис за то, что она ходила с ней по магазинам. Можно было повеситься от скуки в торговом центре. Тот спортивный костюм, который она надела для выхода в горы, они выбирали часов пять. За это время мы с Никасом дважды успели сходить в кафе, подремать в машине и выплеснуть на газон горшок с его делами.

– Когда ты вырастешь, мы будем ходить с тобой в тир, автосалоны и в кафе, каждый раз в разные. И путешествовать по Земле и космосу. Я вот, к примеру, кроме Земли был на двух

планетах. На одной жили долбодятлы, на другой ревуны, и все хотели меня убить. Это было весело. Вспоминать, – развлекал я сына своими разговорами.

Обещание путешествовать с ним я сдержал. Никас плотно сидел в «кенгуру» у меня на груди, растопырив ноги в разные стороны, и любовался пешим восхождением на вулкан.

– Смелые вы, такого малыша собой взяли, – заметила спутница, идущая рядом с Айрис.

– Хотите сказать, безрассудные? – Айрис нельзя было провести полунамёками. – Знали бы вы нас лучше, тогда бы поняли, что это самая безобидная наша выходка.

Спутница, не получив ответа, отстала. Я показал Айрис взглядом, что не стоило так резко разговаривать.

– Это звучало как укор, – шепнула супруга мне на ухо. – Я же не спрашиваю, почему она натянула три шапочки себе на голову.

– Додумайся, конечно. Может, она опытный альпинист и знает, что нас ждёт.

– Наверное, у меня комплекс, что я плохая мать, – призналась Айрис. – Меня так задевают эти вопросы про Никаса.

– Ты замечательная мать, Айрис, просто нам уже пора задуматься о втором ребёнке. Надо оттачивать родительское мастерство.

– Это твоим родителям пора задуматься о втором ребёнке, а у нас ещё всё впереди. Успеем. – Айрис прибавила шаг.

Мне пришлось её нагнать, что в условиях крутого подъёма физически сделать непросто. Хорошо, что я с утра залил полный бак горючего. Если б не это объяснение, мои родители могли бы подумать, что я начал прикладываться к бутылке.

До вершины осталось несколько сот метров. Я остановился, чтобы полюбоваться на пейзажи, раскинувшиеся у подножия горы и сделать несколько фотографий. Долину под горой закрыл туман, зато вершины соседних вулканов величественно возвышались над молочной поверхностью, курясь лёгкой дымкой вулканических газов. Если бы мне сейчас сказали, что это совсем не Земля, а другая планета, я бы с лёгкостью поверил. Какой же многогранной была природа родной планеты. Можно, не покидая её, живо представить, что ты попутешествовал по многим планетам из разных уголков вселенной.

Я сделал несколько фотографий, чтобы отправить их всем нашим знакомым – Ольге, Трою, Киане, Апанасию и Камиле. У последних родилась милая дочурка, и пока они временно никуда не выезжали из города. Дочку назвали Полиной, объяснив, что имя звучит по-женски красиво и предполагает многообразие жизненного выбора.

Родители совершенно забыли про нас, оживлённо общались со всеми туристами, смеялись и шутили. Отец отпускал сальные шуточки, но мама не одёргивала его, как обычно, смеясь вместе со всеми.

– Я теперь больше понимаю твою мать, – поделился я с Айрис. – Они молодеют не только телом, но и душой. Всё-таки мы, взваливая на себя бремя родительства, автоматически считаем, что перешли некий возрастной порог и должны вести себя соответственно, приближая старость.

– Я так не считаю, и поэтому мне кажется, что я плохая мать.

– Ой, ну хватит этого самоистязания, а то и я поверю, что ты плохая мать.

Гид остановил группу и громко произнёс, чтобы все слышали:

– Друзья, остался последний рывок. Дальше подъём становится особенно крутым и будет происходить при помощи верёвки. Мужчина с ребёнком, вы готовы на этот подвиг? Осилите? – обратилась она ко мне.

– Запросто. Я могу пойти первым, – ответил я с вызовом.

– Ладно, верю, но первым я вас не пушу, будете предпоследним. Я подстрахую вас сзади, таковы правила.

– Хорошо, согласен.

– Замечательно. Давайте наберёмся сил, отдышимся, сделаем фотографии. Смотрите, какие великолепные пейзажи открываются перед нами. Сколько действующих вулканов в одном месте. Они входят в так называемое Тихоокеанское огненное кольцо, пугающее людей регулярными извержениями и землетрясениями. Стоит признать, что когда-нибудь и этот красавец извергнется. Когда, мы не знаем, но это может случиться в любой момент.

– Даже сейчас? – спросил кто-то из группы.

– Да, даже сейчас.

– А зачем вы повели нас сюда? – испуганно спросил тот же человек.

– А разве адреналин не щекочет вам нервы, не делает восхождение более интересным и запоминающимся? – спросила гид.

Я посмотрел на задремавшего Никаса, которому до вероятного извержения не было никакого дела. Он повесил голову и распустил слюни, убаюканный монотонным движением.

– А если мы погибнем? – не унимался трусливый турист.

– Так, я всё поняла. Вы останетесь здесь, а мы вернём вам деньги за часть маршрута, – произнесла гид серьёзным тоном. – Не принимаю никаких возражений. Нам паникёр на самом краю вулкана не нужен.

– Я читал, что вулканы – это врата в ад. Вот сами туда и направляйтесь, а мне в другую сторону. – Турист сложил руки на груди и отвернулся от всей группы.

– Столько топать в гору и испугаться за сто метров от цели, – усмехнулась Айрис, глядя на странного человека.

– Самодур или адвокат, – предположил я причину его странного поведения.

– Почему адвокат? – не поняла Айрис.

– У адвокатов, если вероятность события составляет десять в минус двадцать первой степени, оно всё равно является возможным. Они не понимают значения чисел.

– Мне показалось, что он просто боится загреметь в ад раньше срока.

– Тогда точно адвокат. Если на нём полно грехов, то вулкан может проснуться прямо сейчас. – Я поводит носом по ветру. – Вот, уже и серой запахло.

– Друзья, становитесь друг за другом, хватайтесь за верёвку и поднимайтесь за инструктором. Повторяйте за ним все движения. Ставьте ногу туда, куда ставит он, не раскачивайтесь, не паникуйте, если поскользнётесь. Думайте о тех, кто идёт позади вас, – проинструктировала гид нашу компанию и отошла в сторону.

Народ выстроился в колонну. Первым начал восхождение инструктор, розовощёкий крепыш, отдалённо похожий на Апанасия. Он ловко полез вверх, перехватываясь и ставя ноги точными движениями. Туристы, один за другим, последовали за ним. Со стороны дорога не казалась такой уж сложной, но горы умели обманывать. Айрис встала передо мной. Обернулась на меня и спросила:

– Давай я Никаса себе пересажу?

У неё сил, благодаря модификациям в обеих руках, было побольше моих, но люди этого не знали, и со стороны могло показаться, что я слабак и маменькин сынок, боящийся трудностей.

– Справлюсь, – вполголоса произнёс я. – Иди.

Гид услышала наш разговор.

– Супруга у вас что, спортсменка? – спросила она.

– Как вам сказать. Она работает аниматором на детских праздниках в торговом центре, а там нужна сила и терпение.

– Это как раз то, что нужно для альпинизма, – согласилась гид.

Подъём не отнял у меня силы. Я одолел его шутя. Несмотря на то что пейзаж на вершине был совершенно безжизненным, он всё равно выглядел красиво. Не в последнюю очередь бла-

годаря бьющим сквозь трещины струям пара. Из-за них у меня было ощущение, что мы перенеслись в раннюю эпоху зарождения Земли, ещё до появления на ней жизни.

Мы поднялись на самый гребень, с которого открывался вид на круглую чашу жерла вулкана. Я ожидал увидеть глубоко внизу что-то вроде потухшей лавы или кислотного озера, из которого, бурля, выбиваются струи вулканических газов. Но всё оказалось совсем не таким. Перед нами, почти на одном уровне с краем гребня, чернела покатая «шишка» остывающей лавовой пробки. На внутренней стороне гребня желтели пятна серы и поднимался вверх пар, несущий сильный запах сероводорода.

– Во время последнего извержения лава поднялась до краёв и частично стекла вниз, на этом активность вулкана закончилась. Пробка до сих пор горячая, несмотря на то что прошло три десятка лет после извержения. Снизу она подогревается подпирющим плюмом.

– А это не опасно? – спросил мой отец.

– Что именно? – не поняла гид.

– Ну, я представил чайник, у которого заткнуты все дыры, а он продолжает подогреваться.

– Вы правы, пробка может стать причиной того, что извержение случится взрывообразно, но если порода в размягчённом состоянии, то взрыв будет слабее.

– Ага, понятно, такая же разница, как выстрелить из ружья пулей, сделанной из дерьма или из свинца, – привёл свою аналогию отец. – Эффект будет совершенно разным.

Мы с Айрис переглянулись. Мой отец всегда находил какие-то нелепые примеры.

– Вы правы, Николай, – согласилась гид. – Надо будет позаимствовать ваши примеры для себя. Вы не против?

– Нет, конечно, – расцвёл отец. – Пользуйтесь. Можете скидку в баре сделать, а то у вас такие камчатские цены, что праздник поперёк горла становится.

– Обещаю дать вам свою скидочную карту на всё время, – пообещала она. – Итак, друзья, прекрасное время сделать фотографии. Смотрите, какая огромная тень от нашего вулкана, какие облака внизу, какие величественные вершины рядом. Делайте видео и фотографии на память.

Айрис сняла нас с Никасом на фоне лавовой пробки, потом с обратной стороны, будто мы стоим на краю неба. Затем я пощёлкал её, потом родителей. Они выглядели счастливыми и старались узнать всё, что представляло хотя бы малейший интерес. Отец уже насовал в карманы ноздрястых вулканических камней.

– Это туф, – пояснила гид.

– Я спилю его ровненько и отдам супруге пятки тереть, – объяснил он причину своей мании к вулканическому камню.

– Николай, а тебе язык тереть, чтобы мозоли не было, – упрекнула его мать.

Гид рассмеялась.

– Не пойму, вы так похожи между собой. Кем вы друг другу являетесь? – спросила она нас.

– Мои родители, – ответил я первым, чтобы не дать отцу проявить неуёмную фантазию.

– Это правда? – изумилась она.

– Очень ранний брак по малолетке, – всё же соврал отец. – Мы в один год окончили школу, а он пошёл в первый класс.

– Серьёзно? – Гид посчитала в уме, сколько лет могло быть моим родителям с такой разницей. – Не может быть.

– Что вы его слушаете? Соврёт – недорого возьмёт. Николай, хватит сочинять, – попросила мать. – Не стала бы я с тобой десятилетним дружить. Я же помню, какие сопли у тебя висели через всё лицо, да ещё и с землёй вперемежку.

– Ладно, простите, что спросила. – Гиду стало неудобно. Она обратилась ко всем, чтобы рассказать ещё одну запоминающуюся историю:

– Во время активности часто, особенно при просмотре замедленной съёмки, замечают, как в вулканы ныряют летательные аппараты пришельцев. Неизвестно, зачем они это делают, видимо для пополнения энергии своих летательных аппаратов или же они так добывают какое-нибудь вещество. Страшно даже представить себя, пусть и внутри совершенного аппарата, среди раскалённой магмы.

– Это правда или красивая сказка? – поинтересовалась у меня Айрис.

– Я видел несколько роликов в интернете, но они были такого качества, что им нельзя верить. Даже если они и привороживают нашу магму, то на доброе здоровье, планета не обеднеет.

Никас закапризничал и стал сучить ногами, целясь мне в пах. Пришлось придержать их руками.

– Де мы? Де мы? – начал он задавать один и тот же вопрос без конца. Место не очень приглянулось ему, а может быть, не понравился неприятный запах сероводорода.

– Мы на вулкане, сынок, – заглядывая в лицо сыну, произнесла Айрис. – На вулкане.

– Вьюкане? – переспросил он. – Дёмой ату. – Никас скривил мордашу, собираясь расплакаться.

– А хочешь, я покормлю тебя крабом? Тебе вчера он очень понравился. – Айрис полезла в сумку за едой.

– Ябом? Ату, – примирительно согласился сын.

– Я переживаю, что он будет у вас примерным мальчиком за кормёжку, – поддел нас его дед.

– А ты сам-то не такой, что ли? – заступилась за внука бабка. – Ты вчера ел крабов как не в себя. Я боялась, что у тебя несварение начнётся.

– У меня несварение только от твоего лапшевника бывает.

– Ты ел его последний раз тридцать лет назад, – возмутилась мать.

– А как вспомню, так сразу несварение случается.

Увлёкшись завтраком, я не сразу обратил внимание на нарастающий гул. Вначале я принял его за завывание ветра в камнях, но когда моя задница, опёршаяся о валун, почувствовала вибрацию, мне стало тревожно. Наша гид тоже заволновалась и стала часто поглядывать на часы. Как ни крути, но время каждого этапа посещения вулкана было прописано в договоре, сокращение его грозило потерей денег.

– Слушайте, мне одному кажется, что вулкан гудит? – спросил отец.

– Нет, не одному, я тоже чувствую, – признался я.

– Может, пора домой, пока эта пробка из дерьма не вынесла нас с горы? – Он направился к gidу. – Мадам, а вам не кажется, что мы пробудили злых духов?

– Знаете, это нормально для вулкана. Он же активный до сих пор. Испытайте весь спектр чувств, связанных с его посещением, – не очень уверенно произнесла она цитату из рекламного буклета.

– Боюсь, что злой дух пробудится в моих штанах, если мы задержимся тут ещё какое-то время, – откровенно признался отец. – Нина, это была твоя мечта вскарабкаться на вулкан. Скажи, она уже исполнилась? – обратился он к матери.

– Ну, в принципе, да, – растерялась мать.

– Так сейчас гул закончится. Возможно, в недрах вулканической пробки произошло закипание воды, и началась диффузия пара сквозь толщу породы. Как только он пробьёт себе дорогу к поверхности, гул прекратится. Этот процесс очень напоминает закипание чайника, – попыталась успокоить разволновавшуюся публику научными объяснениями гид.

Вместо окончания гула произошло лёгкое сотрясение. Неприятное ощущение потери под собой устойчивой опоры, напоминающее внезапное головокружение. Со склона покатались камни. Ситуация явно пошла не по сценарию. Мы оказались в ловушке. Если толчки продолжатся, то спуск превратится в слишком опасное приключение из-за камнепада. Народ принялся роптать.

– Надо было предполагать, что там, где находимся мы, без приключений не обходится, – шепнула мне Айрис.

– Да сколько можно отрабатывать карму, – не выдержал я. – С меня уже лики святых пора рисовать.

– Да, мать, не успели мы с тобой насладиться второй молодостью, – пессимистично произнёс отец. – Обидно. Но мы с тобой пожилы, а вот они, Колька... Э-эх. Отмотать тысячи вёрст, чтобы сдохнуть красиво.

– Бать, не нагнетай, – попросил я его.

Нас снова тряхнуло, на этот раз гораздо жёстче. Струи вулканического газа вырвались со свистом из тёмной массы застывшей лавы. Чаша вулкана наполнилась смрадной вонью сероводорода, разъедающей ноздри и горло. Никас принялся капризничать.

– Спускаемся! – выкрикнула гид, понимая, что ситуация становится слишком опасной. – Без паники! Становимся в колонну! Я замыкаю. Мужчина с ребёнком, теперь вы первый.

Я прошёл к началу колонны.

– Совсем ума нет, ребёнка потащили с собой, – услышал я в спину укор.

Честно признаться, я ожидал, что это будет простая прогулка без всяких напрягов и настроение нам смогут испортить только кровососущие насекомые. Передо мной встал инструктор, обернулся и посмотрел назад, ожидая команды начинать спуск. Вместо неё вулкан снова тряхнуло. Падающие камни зашуршали по склону горы. Лёгкое чувство паники овладело мной. Против воли стало казаться, что живыми отсюда никак не выбраться. Ирония судьбы – после стольких космических переделок погибнуть на Земле, во время рядового восхождения на вулкан.

Инструктор ловко спустился по верёвке до следующей площадки. За время спуска не произошло ни одного толчка. «Адвокат», бледный как смерть, прятался за валуном от катящихся камней.

– С вами всё в порядке? – испугался за его самочувствие инструктор. – У вас большое сердце? У меня есть валидол и нитроглицерин.

«Адвокат» ничего не ответил. Мне показалось, что у него состояние шока.

– У вас нашатырь есть? – спросил я инструктора. – Суньте ему под нос.

Он так и сделал. Смочил нашатырём тампон для перевязок и приставил трусливому туристу к носу. «Адвокат» дёрнулся и вылупился на инструктора.

– Что ты делаешь? – выкрикнул он.

– Вы были не в себе, – объяснил свои действия инструктор. – Напуганы.

– Я ничего такого не помню. Чем я был напуган?

– Вероятно, камнепадом.

– Какой-то хреновый аттракцион вы мне тут устроили. Я заплатил деньги не за это, а за то, что вы рекламировали. Рассветы, туманы и всё такое.

– Мы подарим вам видеоролик с этим подъёмом, чтобы вы видели, что всё обещанное присутствовало, – пообещал инструктор.

Из жерла вулкана раздался мощный свист. В небо ударила белая струя пара. Она свистела минуту и постепенно затихла. Вулкан успокоился.

– Ну вот, я же вам говорила, что это пар, который искал себе путь наверх, – обрадованно произнесла гид. – Не каждой группе случается увидеть такое явление. Пугающее, конечно, но

красивое. Вернувшись домой, вы сможете рассказать героическую историю про то, как смело пережили этот момент.

Её слова произвели правильное действие на туристов. Раздались смех и шутки.

– Следующую поездку буду выбирать я, – предупредил отец. – Теперь я понимаю, сынок, в кого у тебя страсть к приключениям на свою задницу. В мать. Надо же было лелеять такую мечту. Чуть не погибли.

– И куда бы вы хотели поехать, папа? – поинтересовалась Айрис.

– Я-то? У меня три маршрута – Карелия, Байкал и на станцию, к свахе. Надо же поддерживать родственные отношения.

– Ой, простите, нечаянно подслушала, – вмешалась в разговор пожилая туристка. – А на какой станции живёт ваша сваха? Не в Антарктиде ли? Было бы здорово побывать там хоть раз в жизни.

– Да какая Антарктида, на заброшенном железнодорожном разъезде она живёт, одна-одинёшенька, – не моргнув глазом, соврал отец. – Помрёт – никто не узнает.

– Ясно. – Туристка сразу потеряла к нам интерес.

– Пап, что-то после ваших слов я стала переживать за маму, – призналась Айрис. – Это ведь хорошая идея – снова навестить её. В прошлый раз мы так хорошо провели время. Наверняка она успела соскучиться по земным продуктам.

– Особенно по коньяку, – вставил свои три копейки отец.

Спуск с вулкана занял в три раза меньше времени, чем подъём. К обеду мы уже были в городе, измотанные донельзя. Добравшись до номера, упали в кровати, несмотря на возмущение Никаса, требующего к себе внимания.

Окрепнув, к вечеру вышли на улицу, прогуляться и зайти в какое-нибудь кафе, предлагающее дары океана. Вулкан, на который мы поднимались, чернел тёмным конусом в закатном небе.

– Ну как, мам, чувствуешь удовлетворение? – спросил я у неё.

– Да. Приятное ощущение, что сделала то, о чём мечтала. Мне стыдно, что я прожила жизнь, забывая о своих мечтах. Чем больше я их предавала, тем сильнее нас втаптывало в обыденность, в каждодневные заботы. Надеюсь, в этой жизни будет всё наоборот.

– Чтобы исполнить мечты надо работать, а когда много работаешь, не остаётся времени на их исполнение, – напомнил отец о прагматичной истине.

– Мы будем вам помогать, чтобы вы не работали много, – пообещала Айрис.

– Спасибо, – поблагодарила мать. – Мы не станем утруждать вас. Я уже придумала, чем буду заниматься.

– И чем же? – Отец будто впервые услышал про это.

– Я решила делать вязаные вещи и продавать их через интернет на международных площадках, – поделилась неожиданным стартапом мать. – Я немного изучила этот вопрос и готова им заняться.

– Нина, у меня такое ощущение, что я с вами незнаком, – в своей манере изумился отец. – Почему я узнаю об этом последним?

– Мечту надо вынашивать в тишине, чтобы никто не вздумал от неё отговорить, – произнесла маман с чувством.

Я был с ней полностью солидарен. Она удивила меня неожиданной предприимчивостью. Хоть я и не знал конъюнктуры вязаных вещей, но, изучив материал, запросто мог вычислить при помощи встроенного аудитора перспективы рынка.

– Так, а мне чем бы заняться в свободное от безделья время? – Отец почесал шевелюру в том месте, где несколько лет назад светилась лысина. – Одно время я мечтал работать сомелье, но тут слишком много подводных камней, да и лицо у меня не вызывающее доверие. Может, открыть автосервис?

– Мы поможем тебе с любым начинанием, – пообещал я.

– Нет, автосервисы сейчас на каждом углу, – передумал он слишком быстро. – Не торопите меня, я должен созреть.

– Ну, а пока вы зреете, не передумаете посетить станцию? – спросила Айрис. – Я бы обрадовала маму, что мы приедем.

– Не передумаем, – твёрдо заявил отец. – Как вернёмся, сразу начнём паковать чемоданы.

Глава 2

Вернувшись в родной город, мы как-то забыли про своё обещание отправиться на станцию к свахе. Вернее, мы отложили его на неопределённый срок. Получилось это из-за того, что родители всё-таки определились, где хотят жить, и этим местом оказался наш город, достаточно большой, чтобы затеряться.

Мы не хотели просить денег у Камилы, которая и так обеспечивала нам безусловный доход на приличную сумму. Я продал машину, свой любимый большой джип. Из-за инфляции и чехарды с ценами на автомобили, получилось так, что я продал его дороже, чем купил. На вырученные деньги мы приобрели родителям однокомнатную квартиру, сделали в ней ремонт, а себе купили недорогой и совсем немного пробежавший отечественный автомобиль, гораздо лучше подходящий для моей работы курьером. Родителям хотели купить дом в пригороде, где-нибудь на дачах, но я знал, чем это закончится. Они начнут пристраивать к нему баню, сарай, а там куры, утки, гуси, корма и снова то же колесо сансары превратит их жизнь в ту, от которой они бежали.

Родители переехали в новую квартиру, ещё не зная, чем им заниматься. Мы с Айрис тоже не могли придумать ничего путного. Отправлять мать мыть полы в магазинах как-то обидно, не для того она здесь оказалась. Всё разрешилось само собой, после того как мы купили им компьютер и они обрели счастье пользования интернетом. До этого они считали его пустой тратой времени. И вот как-то мама, изучая рынок хэндмейда, наткнулась на онлайн-магазин вязаной одежды.

– Тьфу, да я в сто раз лучше могу связать, – призналась она.

– Ну так и попробуйте, мам, – посоветовала ей Айрис, обрадовавшись, что у неё появится занятие.

И кто бы мог подумать, что в моей матери живёт настолько предприимчивая женщина? Она каким-то чудом самостоятельно зарегистрировалась на большой международной торговой площадке. Попросила посредством капсулы выучить английский язык для общения с заказчиками, что мы ей и помогли сделать, и начала принимать заказы. Она целыми днями сидела дома и вязала, а отец был у неё на побегушках. Через два месяца и десяток отправленных заказов она обрела такую популярность, что уже не справлялась с потоком.

Чтобы решить эту проблему, она отправилась на рынок. Там нелегально работала категория продавцов из числа несчастных женщин, имевших золотые руки, но совершенно не умеющих зарабатывать. Они, таясь, предлагали сделанные своими руками вещи, прося за них копейки. Мать профессионально оценила их товар, скупив самые удачные модели. У каждой взяла телефон и, отобрав самых умелых, взяла их под своё крыло. Она давала женщинам заказы, контролировала материалы и время изготовления. Платила хорошо, оставляя себе процентов двадцать и траты, связанные с пересылкой. Дело у неё спорилось. Её доходы превышали наш с Айрис совместный семейный доход.

Отец ходил по дому как неприкаянный. Ему непривычно было видеть супругу в роли хваткой бизнесменши. Устав от роли бесполезного приложения, он устроился в ближайший к дому автосервис. Поработав там, купил у хорошего клиента не слишком дорогую машину. Мать к тому времени заявила, что ей для работы нужны колёса, и пошла учиться на права. Сами понимаете, момент заключения договора с автошколой оказался щекотливым. Никто не мог поверить, что её возраст тот, который указан в паспорте. К тому времени она выглядела на тридцать пять, а в документе ей было пятьдесят с небольшим. Пришлось соврать, что это результат пластической операции.

Из-за обучения срок нашей поездки к свахе отложился ещё на четыре месяца. Я снова работал курьером, наслаждаясь работой. Айрис выходила несколько раз в неделю аниматором

по старой памяти, забирая Никаса с собой. Там он скакал до упаду вместе с остальными детьми, и никакой детский сад ему не был нужен. Раз в неделю собирались с Апанасием, Камиллой, их Полиной и иногда Ольгой просто посидеть. Могли собраться у кого-нибудь в гостях или в кафе на нейтральной территории.

Ольга ещё не отошла от лунного заключения и потому никак не могла надыхаться воздухом земной свободы. Мне казалось, она слегка перебирала с ним, но я и Айрис ничего ей не советовали. Она взрослая тётка и сама решала, какой жизнью жить. Нас она совершенно не трогала, не просила денег или пожить. Дважды мы забирали её из отделения после драк, на которых она отметелила взрослых мужиков, как щенков. Пришлось делать перед полицией важный вид и намекать, будто она не простой человек, а агент ФСБ, прошедший такую подготовку, в том числе в зарубежных операциях, через которую не каждый мужик пройдёт. Нам верили и просили повлиять на Ольгу, чтобы она не палила контору по мелочам. Ольга обещала завязать, а мы делали вид, что верили.

В один из прекрасных зимних вечеров Айрис прорвало.

– Гордей, я всё ждала, когда ты или твои родители вспомнят, что обещали навестить мою мать. Я передала ей весточку через Камилу, что мы скоро приедем. Прошло полгода, твоя мама получила права, и теперь у них нет причин отказаться от поездки. Мне неприятно осознавать, что моя мать для вашей семьи не представляет такого значения, как... Они даже с соседями встречали Новый год, – припомнила она в сердцах проступок моих родителей.

– Всё, Айрис, завтра я съезжу к ним и напому об их обещании. Не думаю, что отца придётся упрашивать, но с мамой придётся поработать, – пообещал я супруге.

– Поработай, пожалуйста, Гордей. Мы должны быть семьёй не только с твоей стороны, но и с моей. Я чувствую себя космической сиротой.

– Да какая ты сирота, когда уже столько лет замужем. У тебя есть я и Никас.

– А мне хочется, чтобы моя мама тоже участвовала в нашей жизни. Её внуку уже три, он бегаёт и разговаривает, а она помнит его только бессловесным младенцем, который прудил в штаны каждый час.

– Завтра с утра как штык, поеду и договарюсь, – пообещал я ещё твёрже, чем в первый раз.

Я сдержал своё слово. Утром, ещё до начала рабочего дня, поехал к родителям. Застал только отца, собирающегося на работу.

– Где маман? – поинтересовался я.

– Где, где, везде. У неё с утра собрание вязальщиц. Знаешь, сколько человек на неё работает?

– Пять вроде.

– Ага, пять, уже двадцать пять. Ей самой некогда вязать. Надо принять заказы, купить пряжу, проработать модель, поговорить с мастерицей обо всех деталях. Короче, кого вы мне подсунули? Это не моя жена, не Нина, это какой-то Юдашкин местного пошива.

– Пошиба, – поправил я его.

– Я лучше знаю.

– Пап, Айрис обижается, что вы совсем забыли о поездке к её матери. Она сказала, что чувствует себя сиротой, потому что мы не хотим родниться с её родственниками.

– Я хоть сейчас готов лететь куда угодно, хоть к чёрту на рога, хоть к твоей теще, но мать себя уже не контролирует. Она вся в бизнесе.

– Пап, надо. Мне очень стыдно перед Айрис за то, что я заставляю её чувствовать себя ущербной. Мы как будто семья, а она притулилась к нам без роду без племени. Поговори с мамкой, объясни ей ситуацию, что с родственниками так не поступают. Пусть она не принимает временно заказы.

– На какое время?

– На неделю. Айрис обещала, что мы слетаем на какую-нибудь экзотическую планету, или на планету, заселённую местной разумной расой. Я думаю там чудес намного больше, чем на вершине вулкана.

– У меня от того дня до сих пор по ночам колени трясутся, – признался отец. – Дороговато для моей психики обошлось исполнение мечты нашей матери.

– Ну, у нас на Земле прогнозирование опасностей всё ещё на уровне каменного века. Вот в системе под управлением высших всё под контролем. Это будет самое безопасное и самое незабываемое путешествие. Скажи маме, пусть свяжет свитер Вестлине. Там, на станции, такого точно нет. Её может ждать вселенский успех. Глядишь, ещё примут в почётные жители станции без экзаменов и очереди.

– Не надо нам такого счастья, – категорически отказался отец. – Тут, глядишь, я скоро перестану её интересовать. Деньги, они ведь к деньгам, а слава к славе. Захочется ей присовокупить свой доход к бюджету местного олигарха, а меня, фьюить, назад в деревню.

– Хватит, па, не выдумывай. Не дай бог, услышу разговоры о разводе, мы ваши капсулы изыщем, чтобы у вас не было искушения попробовать в жизни всё. Старьтесь снова вместе.

– Во, Гордей, это отличная идея. Я ей так и скажу – не поедешь к свахе, капсулы отберут. Это будет хорошим поводом для неё задуматься.

– Только смотри, не переборщи. Обидится ещё на нас за шантаж.

– Дипломат из меня не особо хороший, но идея с капсулой нормальная. Попробую повлиять через неё.

– Ладно, я поехал на работу. Жду от вас вестей.

Я отработал весь день, вернулся домой с бутылкой кефира и московской плюшкой, призванными компенсировать мне однообразие рабочей смены. Айрис встретила меня сияющей улыбкой.

– Мама звонила, сказала, что не видит повода отказаться от поездки, представляешь.

– Моя мама? – не сразу понял я, о ком идёт речь.

– А чья же? Я не ожидала от неё. Она такая молодец, сумела отставить своё дело в сторону, чтобы проведать мою маму. Я уже начала собирать вещи. Никас ужасно рад, что мы куда-то собираемся, хотя никак не может понять, куда именно. Скажи, Гордей, это ты на неё так повлиял? – Айрис положила руки мне на плечи и посмотрела в глаза.

– Нет, я утром был у них, но застал только отца, напомнил, что пора бы уже и в гости собраться. Он обрадовался и сказал, что хоть сегодня готов.

– Я, конечно же, вижу, что ты немного недоговариваешь, но в любом случае я благодарна тебе за это.

Айрис с чувством поцеловала меня.

– У нас сегодня курица с сыром и ананасами. – Она томно повела глазами, будто говорила совсем не про еду.

– А у меня плюшка с кефиром, и я уже настроился на них.

– Что за холостяцкие замашки? Марш на кухню есть то, что приготовила жена. Тебе понадобятся силы для моей благодарности.

– Какая несправедливость, мне придётся надрываться, чтобы отблагодарить себя. – Мне захотелось немного побурдеть.

Через три дня мы были готовы отправляться в путь к далёким звёздам. Для этого пришлось загрузиться в машину родителей, которая была чуть больше нашей, и отправиться на заранее оговорённое место, откуда нас должны были забрать. Точка randevу находилась у подножия холма на плохо вычищенной дороге, до которой нам пришлось изрядно потрястись.

– Разобьём мою кормилицу, – приговаривала мать, жалея свою машину.

– У тебя денег уже на три таких кормилицы, – уел её отец.

– Много ты понимаешь. Они все в обороте. Деньги должны делать деньги, а не лежать в кубышке, – пояснила мать.

– Мам, и до каких масштабов ты собираешься расширять своё дело? – поинтересовался я. – Есть у тебя мысли о том, когда стоит остановиться?

– Нет, Гордей, пока я об этом не думала. Мне очень нравится размах, меня это будоражит, а деньги, которых я никогда в деревне не видела, меня тоже заводят. Спортивный интерес заработать ещё больше.

– Хвост уже начал вилять собакой, – категорично покачал головой отец.

– Тебе что, плохо живётся? – спросила мать с вызовом. – Занимайся тем, что тебе интересно, и не думай о деньгах.

– Мам, пап, возьмите себя в руки, – попросил я их. – У нас с Айрис появилась мысль, а почему бы вам снова не родить себе кого-нибудь?

Оба родителя повернули на меня изумлённые лица.

– Снегурочку или колобка? – ехидно спросил отец.

– Дочку или сына. Вы же биологически снова в репродуктивном возрасте, сделайте себе подарок, – посоветовал я.

– Вот они, побочные эффекты внезапной молодости. Хочешь пожить для себя, а тебя заставляют размножаться. Мы вам что, инфузории? – Отец цыкнул и отвернулся от меня. – Нина, смотри на дорогу, все ямы собрала.

– Уж лучше ямы собирать, чем что попало, – буркнула она и завертела рулём, объезжая дорожные дефекты.

Мы с Айрис приутихли до самой точки randevu. Не хотели, чтобы у нас с родителями начался разлад перед самым путешествием. Они явно что-то недоговаривали. Между ними чувствовался градус напряжения, о причинах которого мы догадывались. Я сочувствовал отцу, понимая, чего ему стоило уговорить мать. Навигатор сообщил, что мы приехали на место. Мать припарковала машину на заснеженной обочине.

– Мы с Никасом выберемся подышать свежим воздухом, – предупредила Айрис и начала собираться.

Я помог им и сам выбрался наружу подышать. Вдали от города воздух казался волшебным. Лёгкий ветерок морозил щёки. У Никаса они мгновенно покраснелись. Он неуклюже пытался набрать варежками снег с обочины, и каждый раз падал вперёд. Айрис не мешала ему падать, понимая, как ребёнку интересно всё делать самому. Она только помогала ему подниматься, вытирала с лица тающий снег и смеялась.

– Олёный сек. – Наконец-то до нашего сына дошло, что снег холодный.

Я посматривал на часы в ожидании рейсового космического корабля. Он должен был явиться в абсолютном камуфляже, невидимый и проницаемый для тех, кто не должен был знать о его прибытии. Сработал будильник на телефоне. Снежный вихрь в долине между холмов закрутился волчком и опал. Я подхватил Никаса и передал на руки Айрис, севшей в машину раньше меня. Я сел следом.

– Мама, вперёд, – скомандовал я.

– Куда вперёд? – Она не увидела ничего похожего на корабль.

– Просто ездай.

Она послушалась, завела машину и поехала. Метров через десять мы проехали сквозь мембрану, отделяющую нас от корабля, и оказались внутри него, в светлом ангаре. В нём находилось несколько машин и даже один грузовик.

– Сегодня много желающих покататься, – заметил я. – Выходим.

– Гордей, а как же машина? – спросила мать.

– Не переживай, она вернётся вместе с нами, – успокоил я её.

Примечательно, что после того, как родители помолодели, они почти перестали называть меня «сынком», обращались только по имени. Подсознательно они уже настолько приняли свою молодость, что великовозрастный сынуля не вписывался в это представление.

Ожил нейроинтерфейс. Нас поприветствовали на борту и проложили маршрут до пассажирских кают. Мы с отцом вынули чемоданы из багажника. В этот раз мы собирались предстать перед жителями станции во всём своём земном великолепии, и потому багаж получился объёмным. Там ещё были подарочки для свахи. Мы хотели удивлять её на протяжении всех дней, что она проведёт в нашей компании.

Айрис сняла с Никаса верхнюю одежду. Он во все глаза рассматривал удивительную обстановку космического корабля.

– Де мы? – спросил он спустя несколько минут, когда мы добрались до лифта.

– В космическом корабле, который отвезёт нас к твоей второй бабушке, – пояснила Айрис.

– Яябле?

– Да, Колян, в яябле, – рассмеялся дед.

Лифт немного напугал сына скоростным разгоном. Он вцепился в мать, уткнувшись в её шею лицом. Я похлопал Никаса по попке.

– Не бойся, тут намного безопаснее, чем на маминой работе.

Он отстранился от неё и посмотрел по сторонам. Улыбнулся и поправил чёлку, сбившуюся ему на глаза. Мы остановились на нужном этаже и оказались в просторном помещении с подобием городского парка, резиновыми дорожками и растущими в клумбах карликовыми деревьями. В нём пахло зеленью и влагой. Десятки людей, одетых так же, как и мы, шли по своим маршрутам. Количество тех, кто жил на Земле, но был информирован о внеземной человеческой цивилизации, было велико. Просто удивительно, что люди до сих пор считали себя единственной разумной жизнью во вселенной, живя по соседству с теми, кто запросто летал в гости в другие галактики.

Стрелки навигации подвели нас к каюте. Никас не уставал удивлённо рассматривать обстановку корабля, трогал поверхности руками и даже пытался лизнуть украдкой. Айрис оставила его в одной майке и трусиках и пустила побегать по каюте. Он словно этого и ждал. Батарейки непоседливости включились на полную мощь. Новая обстановка вызвала в нём прилив энергии и баловства. Он устроил игру в прятки, прячась за какой-нибудь деталью интерьера, затихая на несколько секунд, а потом, визжа, будто мы и в самом деле его потеряли, выскакивал и заливался смехом.

Корабль совершил несколько посадок на Земле, чтобы забрать всех желающих, и почти мгновенно перенёс нас в другую галактику. Он метался по вселенной, высаживая людей на разных станциях и планетах. Мы ощущали это по незначительным ускорениям и изменениям гравитации. По желанию можно было подключить нейроинтерфейс к камерам, передающим картинку вокруг места посадки, но мы с Айрис не стали этого делать, чтобы не ставить родителей в неловкое положение. Всячески старались сделать так, чтобы они чувствовали себя комфортно с нами, как одни из членов великой семьи человечества, покинувших планету.

И вот нам пришло сообщение о том, что следующая остановка наша. Айрис разволновалась перед встречей с матерью.

– Дочь, – обратилась моя мама к Айрис, – не волнуйся. Давайте чаще ездить к ней, чтобы не было таких моментов, как после длительного расставания.

– Я только за, – обняла её Айрис. – Вы такие замечательные.

Мы прошли к выходу и стали ждать остановки. Мембрана, отделяющая внутренне пространство корабля от внешнего, растворилась в воздухе. Причём только для меня и Айрис. Для родителей и Никаса она выглядела по-прежнему. Мы сразу вышли внутрь станции. Нейроин-

терфейс тут же обозначил нам местоположение Вестлины. Она стояла чуть поодаль и, увидев нас, чуть ли не вприпрыжку понеслась навстречу.

Айрис бросилась ей на шею, чего не случилось тремя годами ранее. У обеих глаза оказались на мокром месте.

– А это кто у нас тут такой большо-о-ой? – протянула руки к внуку Вестлина.

Никас, насупившись, позволил ей взять себя на руки, но никаких чувств не проявил. Вестлина тискала его, целовала в щёки, но тот принимал её ласки как должное, не теряя нейтрального вида.

– Это твоя бабушка, Никас, – пояснила Айрис. – Она моя мама.

– Твоя? – переспросил он.

– Моя. Познакомься. Поцелуй её в щёчку. Ты же любишь целоваться. Всех девочек перецеловал на моей работе.

Никас, сидя на руках у бабки, слегка отстранился от неё и посмотрел внимательно, изучающе. Потом приложился губами к щеке, почти без поцелуя. Формально он сделал то, о чём его просили.

– Ладно, мам, мы приехали погостить на неделю, он привыкнет к тебе, ещё скучать будет, – пообещала Айрис.

– Ой, а я как буду скучать по такому красавчику. – Вестлина полезла к нему с поцелуйчиками, но Никас упёрся в неё руками.

– Мама, – закричал он. – Зами меня.

Айрис забрала сына из рук матери.

– Бабка-косолапка, – посмеялся отец и получил незаметный тычок от матери.

Вестлина наконец-то обратила внимание на моих родителей.

– Чудо, как вы изменились. – Она вдохновенно сложила руки перед собой. – Я бы вас ни за что не узнала.

– Спасибо нашим детям за капсулы, не болеем теперь, а только молодеем, – расплылся в улыбке отец.

Мне показалось, он держал в голове какую-то крамольную мысль, внимательно разглядывая сваху. Даже для меня она была в самом соку, и только осознание её настоящего возраста как-то ограничивало моё воображение.

– Нина, какие у тебя красивые волосы, – заметила Вестлина, глядя на собранную в хвост причёску матери.

– Ну, да, в прошлый раз я была с седой паклей вместо причёски. – Мать поправила волосы, удовлетворённая комплиментом.

– Так идёмте скорее ко мне домой. Теперь я знаю, как встречать гостей с Земли. У меня есть кружки, тарелки и ложки. Пришлось заказать их, чтобы всегда были под рукой. Нам, конечно, непривычны эти гастрономические ритуалы, но я уверена, что без них мы многое теряем, – тараторила Вестлина, выдавая своё волнение.

Да, долгие разлуки не шли нам на пользу. Надо было взять за правило раз в полгода навещать её.

Тёща привела нас в свою квартиру. Стол уже был приготовлен для встречи гостей. На нём стояли шесть пластиковых тарелок, шесть пластиковых вилок и шесть пластиковых рюмок.

– Так располагайтесь, – засуетилась хозяйка. – Вещи можете убрать в спальню. Угадайте, что у меня есть? – спросила она хитро.

– Коньяк? – с готовностью предположил отец.

– Ха, не совсем, но тоже можно пить. – Она убежала в другую комнату и вернулась с бутылкой ярко-жёлтой жидкости. – Это сок из плодов какого-то растения. Дико дорого и ужасно сложно было его найти. – Вестлина явно гордилась собой.

– Здорово, мам, – поддержала её Айрис. – А мы тоже кое-что привезли.

– Правда? Я очень надеялась на это, потому что кроме сока у меня больше ничего нет.

– Мам, ты садись, – предложила ей Айрис. – Мы сейчас разберём наши гостинцы, они не все съедобные, а потом сядем за стол.

Заинтригованная Вестлина села на диван, а мы ушли разбирать чемоданы. Никас, почувствовав себя увереннее, принялся бегать по квартире.

– Коська есть? – спросил он у новой бабушки.

– Что он спрашивает? – не поняла она.

– Кошка у тебя есть? – перевела Айрис на понятный язык.

– А, кошка. Нет, Никас, кошки нет. У нас запрещено держать животных. Они все живут в специальных местах, где им хорошо.

– А сябака?

– Кто? Собака? – уже догадалась она.

– Дя.

– Собаку тоже нельзя.

– Масына есть? – не унимался Никас.

– Что, не поняла?

– Он спрашивает, есть ли у тебя игрушечная машина, чтобы покатать её по квартире? – перевела Айрис. – У нас дома целый автопарк. Весь в папу, любитель машинок.

– Ох ты, а я про игрушки совсем забыла. Завтра принесу тебе что-нибудь, – пообещала она. – Хочешь игрушечный звездолёт?

– Пездолёт? – переспросил Никас.

Дед не сдержался и заржал во весь голос:

– Я бы полетал на таком!

Вестлина не поняла нашего смеха и немного смутилась.

– Это, мам, особенности воспитания в мужском коллективе, – пояснила ей Айрис. – Ну, ты готова принимать подарки?

– Готова. – Тёща подтянула ноги под себя, всем видом показывая, как ей интересно.

Моя мать взяла в руки пакет с собственноручно связанным свитером.

– Я, сваха, занялась вязанием. Не знаю, носят у вас тут такие вещи или нет, но всё равно связала тебе подарочек. Держи, можешь примерить. – Она протянула пакет.

Вестлина взяла его в руки и вынула нежный белый свитер.

– Козий пух, – пояснила мама, немного смущаясь в ожидании реакции.

Вестлина поднялась с дивана, развернула подарок, осмотрев его со всех сторон, принялась, поводя ладонью.

– Как живой, – произнесла она впечатлённо.

– Примерь. – Айрис подтолкнула её к дальнейшим действиям.

– Один момент. – Вестлина убежала в другую комнату и через полминуты вышла в свитере, надетом на голое тело.

Он шёл к её светлым волосам и голубым глазам просто бесподобно, молодя и подчёркивая женственность. Вестлина подошла к зеркалу и покрутилась перед ним.

– У тебя, Нина, золотые руки. Боюсь, мне теперь прохода не дадут, будут интересоваться, где взять такую вещь. Бесподобно. Магия. Неужели вещь может так изменить восприятие самой себя? Я была такой юной лет сорок назад.

Мать была польщена. Сваха искренне обрадовалась её подарку. Подошла очередь отца озвучить свой подарок. Он подарил свахе бутылку дорогого французского коньяка.

– Двенадцать лет выдержки, – произнёс отец с важным видом. – Этот коньяк, как Диоген, с каждым годом, проведённым в бочке, становился только лучше.

У Вестлины в предвкушении загорелись глаза.

– Я ещё взял три бутылки водки, но это не для наслаждения, а для эффекта, – предупредил отец. – Как раз с соком самое оно.

Настала очередь нашего подарка. Мы с Айрис долго думали, что полезного подарить её матери, и чуть не сломали голову, потому что это было слишком сложно. Образ жизни на станции и на Земле различались радикально. Здесь не было розеток для электричества, чтобы подарить какой-нибудь электроприбор. Никто не готовил еду, чтобы подарить кухонные принадлежности. И тогда мы решили подарить ей махровый банный халат и пушистые тапочки. В душ здесь всё ещё принято было ходить, так что халат мог пригодиться, а тапочки очень хорошо дополняли ансамбль, создавая у человека пушистое уютное настроение.

Вестлина примерила наш подарок и тоже осталась довольна. Надо было ещё и банное полотенце купить, чтобы она заматывала в него волосы после душа. Затем мы сервировали стол и очень долго сидели за ним, рассказывая свои истории. Никас уснул прямо на диване.

– Такой милый. – Вестлина смотрела на внука влюблёнными глазами. – Завтра покажу ему зоопарк. Там столько животных с разных планет.

– А скажи, свях, куда ты собиралась нас свозить? – спросил отец. – Гордей сказал, что на другие планеты.

– А куда захотите, туда и отправимся. Я сама уже сто лет нигде не была. Давно не топтала пыльную поверхность какой-нибудь планеты. Как вам идея посмотреть на жизнь древопитеков в естественной среде?

– А кто это? – спросила мать.

– Человекообразные обезьяны или наоборот, обезьяноподобные люди, строящие целые города на деревьях. Познавательно и интересно.

– А они на нас не нападут?

– Нет, они нас даже не увидят, – Вестлина зевнула и посмотрела на нас одним глазом.

Вечеринку пора было заканчивать.

Глава 3

Утром, после процедур в капсуле, тёща, облачившись в свитер, занялась выбором подходящих развлечений. Мы обступили её со всех сторон, а она предлагала вслух возможные варианты.

– Древопитеки про которых я вам вчера рассказывала? – напомнила она.

– Мне как-то про обезьян не очень интересно, – произнесла мать. – У нас и на Земле их полно в зоопарках.

– Да мы и сами-то не так давно от них произошли, – пошутил отец. – Давай, свих, следующий вариант.

– Планета бурь. Цивилизация, приспособившаяся жить в условиях невозможных ветров. Мы сможем посетить жилища, выдерживающие напор ветра, несущего в себе песок и камни, прокатиться на их транспорте, движимом энергией ветра, – озвучила Вестлина следующее предложение.

– А где всё хорошо, есть такое? – спросила моя мать.

– Так ты уже в этом месте. На этой станции всегда всё хорошо. Со скуки сдохнуть можно, – усмехнулась тёща. – Я вам гарантирую, что на любой экскурсии вы будете в полной безопасности.

– Огласите весь список, пожалуйста, – попросил отец.

– Хорошо, – согласилась Вестлина. – Невозможная планета, мир наоборот, цивилизация, живущая на внутренней стороне литосферы. Вместо солнца горячее ядро, сжавшееся до размеров человеческой головы. Для её жителей внутренний мир планеты – это вся вселенная. Они понятия не имеют о космосе и звёздах. Мир на поверхности – ледяная безвоздушная пустыня.

– Это гораздо интереснее, – хмыкнул отец. – Мне нравится. Это как в «Плутонии» Обручева, – припомнил он аналогию из классики. – Как тебе, Нин?

– Как в могиле с фонариком, – призналась мать.

Её как будто пугали любые миры, не похожие на Землю. Вестлина продолжила перечисление туристических маршрутов.

– Технократическая цивилизация, стоящая на пороге космической эры. Большая часть планеты похожа на каменные джунгли. Даже кислород им приходится вырабатывать искусственно из-за гибели растительного мира. Люди этого мира склонны улучшать себя при помощи примитивных электронно-механических устройств, делающих их похожими на гибриды человека и робота.

– Лин, а есть такие варианты, где красивая природа, где хочется ходить, наслаждаться и дышать полной грудью? – не выдержала мать. – Мы из города приехали, хочется чего-нибудь чистого и натурального.

– Я вас поняла. – Тёща перебрала в нейроинтерфейсе подходящие варианты. – Так, слушайте. Спутник газового гиганта, планета с райской природой, на которой никогда не бывает ночи. Вызывает головокружение не только красотой, но и высокой концентрацией кислорода. Дружелюбная флора и фауна предполагают безопасный отдых. Только в короткий миг, когда малая звезда двойной системы заходит на диск большой, происходит мощная световая и электромагнитная вспышка, во время которой жизненные формы на планете закрываются от неё при помощи приобретённых в процессе эволюции способов. Вспышка является своеобразной ночью и делит время на сутки. Во время эксцесса посещения планеты запрещены. Как вам? – Вестлина окинула гостей взглядом.

– Мне нравится, – призналась мать. – Нас же заберут до начала вспышки?

– Конечно, – уверенно произнесла тёща. – Я гарантирую вам, что у нас в системе сбоев почти не бывает.

– Как тебе, Коль? – спросила мать у отца.

– Здорово. Мне нравится.

– Ладно, хватит выбирать, свях, поедем на эту планету. Что вы, молодёжь скажете? – спросила мать у нас.

– Мы не юристы. Раз сбоев почти не бывает, значит, они с нами не случатся, – произнёс я. – Мы согласны на этот маршрут. Надеюсь, в микробиологическом плане там тоже безопасно?

– У вас будут неощутимые и невидимые респираторы, не пропускающие ничего, крупнее молекул, – пояснила Вестлина. – В виде энергетического поля вокруг тела.

– А с ними плавать можно? – поинтересовался отец.

– Сколько угодно.

– А удочки брать разрешено?

Свах не поняла его вопроса. Про удочки она не знала, как и про рыбалку в целом.

– Ладно, это была шутка. Так, молодёжь, собираемся. – Отец похлопал в ладоши, подготавливая нас.

Никасу показалось это очень забавным, и он попросил деда ещё раз десять похлопать в ладоши.

– Николай Гордеич, иди к маме, пусть она тебе штаны нормальные наденет, а не эти с пузырями на заднице, – отправил внука к матери отец. – Животные засмеют.

Айрис нарядила сына в зелёный костюм, сделавший Никаса похожим на ирландского гнома. Моя мать надела спортивный костюм и повесила на плечи рюкзак, в котором лежало туристическое снаряжение, пригождающееся в походах – мультинож, спички, таблетки для розжига, небольшой котелок, консервы, сухие концентраты напитков, таблетки для обеззараживания воды и ещё всякая всячина, которая, по моему мнению, нам была совсем не нужна. Она ещё заставила отца взять с собой палатку.

Я оделся в джинсы, майку и удобные ботинки, зная, что прогулка будет лёгкой. Айрис оделась почти так же как и я, готовясь к получению заслуженной порции развлечения. Вестлина перед выходом осмотрела нашу компанию.

– Вы будете выделяться, – заключила она.

– Это плохо? – забеспокоилась мать.

– Совсем нет. У нас тут не бывает плохо одетых, каждый одевается по своему разумению, просто таких гардеробов я ещё не видела.

Она сама надела на себя обтягивающий белый костюм, делающий её похожей на модель из земных шестидесятых.

– До терминала придётся проехать на транспорте, на котором вы ещё не катались, – предупредила она. – Большая часть пути пройдёт по внешней стороне станции.

На нас действительно смотрели и оборачивались. Я чувствовал себя иностранцем среди туземцев. Никас, сидя на моей шее, крутился во все стороны, разглядывая людей и экзотическую обстановку станции.

– Хотел бы тут жить? – спросил я у него.

– Дя, – ответил сын без раздумий.

– Раз дя, значит, мы с мамой подумаем, как это устроить.

Айрис услышала наш разговор.

– Придётся, сынок, привыкать жить за баллы, а не за сладости.

– Вы хотите вернуться на станцию? – вмешалась в наш разговор тёща.

– Очень возможно, – ответила Айрис. – Мы на распутье, куда отдать Никаса на время школьного обучения. Земные науки ему, в принципе, не нужны. Здесь он освоит их проще и лучше и на недостижимом для землян уровне. Пока он маленький, нам решать, где ему учиться, а когда вырастет, сам выберет, где ему больше по душе.

– А как же вы? У вас нет разрешения на постоянное проживание, – напомнила Вестлина.

– А ты на что нам? Бабушка ты или нет?

– Конечно, я бабушка, но родители вы. Было бы лучше, если бы вы снова заслужили себе право жить на станции.

– Могу я с Колькой пожить на станции, – предложил дед. – У меня провинностей перед здешней властью нет.

– Не так всё просто, Николай, – разрушила его мечты сваха. – У вас нет шансов находиться здесь в другом статусе, кроме гостя. Были бы вы подходящей кандидатурой, вас бы уже давно забрали с Земли.

– А как же Гордей?

– У них с моей дочерью уникальный случай. Он благотворно повлиял на Айрис, и ему разрешили в виде исключения, но сами видите, жизнь всё расставила по своим местам, – пояснила Вестлина.

– Высшее общество, – цыкнул отец, – голубая кровь.

Тёща подвела нас к небольшой парковке прозрачных транспортных средств, висящих над землёй без всякой опоры. Она открыла дверь крайней машины и предложила войти. Внутри было десять белых сидений с синей окантовкой. Мы расселись. Транспорт состоял из платформы, на которую поставили прозрачный колпак. Много воздуха и света внутри. Машина плавно поднялась вверх, на уровень, о существовании которого снизу даже не догадываешься. Отсюда были видны разветвления тоннелей для этого вида транспорта. Наш вагончик нырнул в один из тоннелей и помчался. Никасу было очень любопытно наблюдать за меняющейся обстановкой за бортом. Он комментировал всё, что видел восторженными восклицаниями.

Мы вылетели в космос и поплыли над освещёнными далёким солнцем стенами станции.

– Ночь? – решил Никас из-за черноты космоса.

– Здесь всегда ночь, – погладила его по голове Айрис.

Мать с отцом вертели головами, не скрывая удивления. Посмотреть было на что. Серебристая в лучах солнца поверхность станции, испещрённая различными надстройками, делающими её похожей на искусственную планету. Наш вагончик нёсся над ними, но некоторые, особенно высокие, облетал стороной. Кроме нас, пунктирными линиями других маршрутов неслись сотни таких же транспортных средств. А над нашей головой фиолетовым пятном светилась газовая туманность. Дважды величественно пролетали большие космические корабли, следующие к стыковочным узлам.

– Вот мать, теперь нас можно считать космонавтами, – похлопал её по плечу отец. – День космонавтики наш праздник. А кстати, почему здесь нет невесомости?

– Её здесь не может быть, потому что мы находимся близко к поверхности станции, являющейся источником гравитации. Могу сделать силу тяжести естественной, какой она должна быть. – Вестлина покумекала в нейроинтерфейсе, и стало легко. – Попросите Никаса попрыгать.

Я поставил сына на ноги в проход между сиденьями. Он никак не мог взять в толк, почему он так необычно себя ощущает.

– А ну-ка, сынок, прыгни вверх, – предложил я ему, страхуя за штанину.

Никас присел и оттолкнулся вверх. Обычно, при нормальной гравитации, ему не удавалось оторвать носки от пола, а тут он подлетел на полметра вверх. Я поймал его, иначе он просто свалился бы на пол, потеряв с непривычки равновесие. Он удивился и попросил прыгнуть ещё раз. Вместо этого я бросил его на руки Айрис. Она поймала и легонько подкинула вверх. Никас взлетел под самый потолок, но не достал. Он заливался смехом, не осознавая причин внезапной прыгучести. Он прыгал возле меня, деда, обеих бабок и непрерывно хохотал.

– М-да, Гордей, чувствую, на станции ему будет веселее. Это тебе не собачьими какашками на газоне кидаться.

– Пусть растёт и там и тут. Чем раньше для него станут естественными обе среды, тем легче ему будет определиться, какая больше по душе. А нам не надо ждать, когда вдруг мы останемся одни, а работать над следующими проектами. Мы с тобой единственные дети в семье, и пора прекратить эту порочную тенденцию.

– Ты хочешь превратить меня в инкубатор?

– Он хочет всех заставить размножаться, – встрял отец. – И даже нас матерью, – поведал он Вестлине.

– Да? – Тёще стало неловко за его болтливость. – Почему бы и нет? Дети – это так прекрасно в любом возрасте.

– Никого, кроме Айрис, я не имел в виду, – оправдался я. – Нам не помешала бы дочурка для разнообразия и гармонии.

– Дочки в нашей семье растут оторвами, – усмехнулась Айрис.

– Ничего подобного. Это моя вина, что я недосмотрела за тобой, – покраснела Вестлина. – Хочу при всех сказать, что матерью я была не очень. Айрис оказалась крайне любопытной девочкой, а мне не хватало времени и желания быть рядом, когда она задавала вопросы. Отсюда и протестный характер, и обиды на весь мир. Спасибо Гордею, что не дал ей опуститься на дно. Так что я благословляю вас на внуков. Вы хорошие родители и должны производить детей конвейерным способом.

– Спасибо, мама, – не скрыла иронии Айрис. – Заселим космос своими детьми.

Вагончик мягко опустился на поверхность станции и заехал внутрь. Мы очутились внутри вокзала, по земной аналогии пригородного. Здесь использовался транспорт для коротких маршрутов. Ждать своего автобуса долго не пришлось. Минут через десять Вестлина отвела нас на посадку. Мягкая самодвижущаяся дорожка подхватила нас и понесла к кораблю. В него мы попали через мембрану.

Это был небольшой корабль с минимумом комфорта. Жёсткие кресла, никаких экранов. Зашли, сели, пять минут полёта, всё, прощайте. Сам процесс доставки пассажиров до места назначения сложно было назвать полётом. Видимость одна, что летишь, а на самом деле телепортация с использованием подпространства. Я не понимал физики этого процесса, но воображение моё рисовало что-то вроде сворачивания пространства и прокалывания иглой двух точек входа и выхода из подпространства.

– А сколько длится тур по этой планете? – спросила мать у Вестлины.

– В стандартных часах – восемь.

– Не мало? Только разгонимся – и сразу назад. Я еды на трое суток набрала. А там ночи холодные?

– Там нет ночей, всегда день из-за двух солнц.

– Ой, забыла. Так непривычно, два солнца на небе.

– Там бывает тень от планеты – газового гиганта, спутником которой она является. Но это как лёгкие сумерки. Какая-нибудь из звёзд всегда сияет на небосводе.

– Для меня это сплошная тарабарщина, – призналась мать.

– Побываешь на разных планетах – привыкнешь, – пообещала ей Вестлина.

Корабль мелко затрясся. Пропищали в ушах предупреждающие сигналы. Нейроинтерфейс сообщил, что начался полёт.

– Етим? – спросил Никас.

– Етим, – ответил я ему.

Полёт длился меньше пяти минут. Дольше происходил процесс стыковки со станцией, летающей по орбите туристической планеты. Мы покинули корабль с группой людей, возбуждённых предстоящим приключением. Все они были одеты как на городскую прогулку, в повседневной одежде, в которой ходили по станции. Мать смотрела на них снисходительно,

как бывалый турист на новичков из числа офисного планктона, решившего ради фоточек выбраться на пленэр.

Станция, откуда туристы отправлялись на поверхность планеты, оказалась небольшой, размером с футбольное поле. Основание станции, всегда обращённое к планете, на которую мы собирались высадиться, было накрыто колпаком из затемнённого стекла. Виды из-под него открывались потрясающие. Огромный шар, преимущественно синего цвета, в узорах процессов, происходящих в её атмосфере, нависал над головами. По тёмному небосводу плыли оба солнца. Их движение было заметно невооружённым глазом.

– Друзья, – раздался голос из динамиков, по старинке, видимо из-за того, что многие туристы не имели встроенного нейроинтерфейса. – Я расскажу вам о правилах посещения планеты. Их немного, но их надо знать и выполнять. Первое: не оставляйте после себя мусор. Туристы используют для передвижения одни и те же тропы и будет неприятно видеть вдоль них мусор. Уверяю, это сильно испортит вам погружение в прекрасный мир Эль-Два-Шестнадцать. Второе: какими бы мирными ни были местные животные, не пытайтесь брать их на руки. Помните, что вы наблюдатели, интересующиеся другим миром, и вся прелесть его в том, чтобы увидеть и понять его первозданность. Если вы прикормите животных, то со временем получите попрошаек, ждущих вас с протянутой лапой. Не вмешивайтесь в законы природы. Третье: это касается смены времени суток. Здесь нет понятия ночи в привычном для большинства из нас понимании. Флора и фауна приспособились отдыхать в момент схождения светил. Если можно так выразиться, то живой мир этой планеты спит мало, но очень крепко. Они буквально падают замертво, и им этого хватает, чтобы восстановить силы. Вы этот момент не застанете, но я обязан предупредить вас о нём.

– Зачем?

– Затем, что было два случая, когда подвела техника и мы не смогли вывезти туристов. В короткий миг, длящийся чуть больше получаса, просыпаются хищники, если можно так выразиться, ночные хищники, питающиеся спящими животными и растениями. Причём они бывают и растительного происхождения, которые тоже питаются животной плотью. В это время планета становится своей собственной противоположностью.

– Вы нашли тех туристов потом?

– К сожалению, нет.

– Какова вероятность повторения подобного случая?

– Она крайне низка. Десять в минус двадцать пятой степени. Это практически никогда. К тому же мы следим за состоянием своей техники с особой тщательностью. Извините, что напугал вас, но я обязан был это сделать. Возможно, теперь вы будете смотреть на этот мир другими глазами. Увлекательного путешествия вам всем. Занимайте места в челноке, впереди вас ждут незабываемые впечатления. Мне даже жалко себя, что я не могу снова увидеть эти красоты как в первый раз. Теперь они будут вас снится в прекрасных снах.

Народ направился к челноку, на корме которого загорелся зелёный сигнал.

– А сколько длится день на этой планете? – поинтересовался я у мужчины, рассказавшего о правилах посещения.

– Девять с четвертью стандартных часов. Вы попадёте туда через минуту после начала нового дня, а заберут вас, соответственно, за полтора часа до наступления ночи. Как только вы ступите на планету, на ваших поясах активируются волновые респираторы.

– А где находятся хищники в дневное время?

– Отдыхают. Они совершенно пассивны в это время.

– Они крупные?

– Разные, но в основном меньше человека, если не считать растительных. Эти могут иметь десятки метров в высоту или длину. Не переживайте так, вы всё равно ни с кем из них не встретитесь, мы гарантируем.

- А костры там жечь можно? – спросила мать.
- Можно, но будьте осторожны, содержание кислорода в атмосфере велико.
- Спасибо.
- Удачного путешествия.

Мы расселись в челноке. Вместо иллюминаторов в нём были экраны, которые можно было настраивать. Я включил забортную картинку. Челнок мягко сошёл с магнитных ступеней и вышел в космос. Нам открылся вид на яркую палитру красок планеты. Помимо зелёного и синего, доминирующего в цветах нашей планеты, здесь было очень много других ярких оттенков – жёлто-зелёные, красные, фиолетовые и даже смоляно-чёрные росчерки, похожие на крупные артерии нефтяных рек.

– В проспекте ничего не было написано про хищников, – сообщила Вестлина. – Если бы я знала заранее...

– Не переживай, мам, гиды специально привлекают людей такими трюками, чтобы путешествие лучше запомнилось. Подсознательно люди начнут предполагать, что где-то таится опасность, и будут более наблюдательными. У нас так было, когда мы забрались на вулкан. Ничего не произошло, чуть-чуть тряхнуло, а нам уже вспоминается, что мы совершили героический подвиг.

– На выюкан забьялись, – произнёс Никас.

Мать Айрис погладила его волосы.

– Ты маленький герой, – похвалила она его.

– А есё мы ей кябов, – дополнил он свои впечатления.

– Что ты ел? – не поняла бабка.

– Крабов, – пояснила Айрис. – У него и деда Николая крабы оставили самые сильные воспоминания.

– Мои гены, – выставил грудь вперёд отец. – Колька, держи краба.

Дед и внук ударили друг друга по рукам.

Челнок вошёл в атмосферу, прошёл слой жёлтых, перистых, словно наполненных солнцем облаков и начал снижение в ярко-зелёную долину. Сверху видны были чёткие линии тропинок, не занятые лесом. Наверное, их специально сделали для туристов, чтобы они не забивались в лесные чащи. Челнок мягко сел на поляну, окружённую невысокими деревьями с пышной кроной.

– Нейроинтерфейсы, у кого есть, поддерживаться не будут, ради погружения в природу. Мы отслеживаем вас по встроенному в волновой респиратор маяку. Маршрут по любой из тропинок, если идти не спеша, закончится такой же поляной, с которой вас заберёт челнок. Убедительная просьба смотреть на оставшееся время, чтобы не собирать вас поодиночке по лесам. И ещё, плоды здешних деревьев безопасны, но есть два вида растений-паразитов, семена которых начинают моментально прорастать внутри организма, в который они попали. Сами понимаете, это ужасная смерть. Чтобы этого не случилось, лучше ничего не есть из местного.

– Как они выглядят?

– Вы увидите сочные аппетитные плоды, подумаете, что эти точно не могут быть опасными, и ошибётесь, – ответил гид.

Его шутка вызвала робкий смех среди туристов. Каждый про себя понял, что не стоит тащить в рот ничего из растущего на этой планете.

– Хорошо, что я консервы взяла, – довольно улыбнулась мать. – А что будут есть эти, непонятно.

– Перетерпят, не беспокойся за них, – успокоила её Вестлина. – Люди со станции не делают из еды культ.

– Так из вашей еды не только культ, но и саму еду не сделаешь, – усмехнулась мать.

– Это верно, – согласилась сваха.

Мы вышли из челнока последними. Нас встретил птичий шум, доносящийся из леса, аромат растений, запах влажной почвы и ещё чего-то, не имеющего аналогов среди знакомых ароматов. Возможно, дело было в насыщенном кислородом воздухе, меняющем восприятие. У меня закружилась голова, как от небольшой дозы алкоголя. Стало так приятно и беззаботно, и совсем неохота куда-нибудь идти. Я услышал разговор туриста, бывавшего здесь прежде:

– Вначале будет расслабление, эйфория, а потом шарахнет избыток энергии и захочется бежать.

Транспорт, доставивший нас на планету, беззвучно поднялся в воздух и очень быстро удалился. Я посмотрел вверх и увидел сквозь синеву неба ещё более синюю планету-гигант, висящую на половине пути между зенитом и горизонтом. Очень фантастический пейзаж. Я не удержался и сделал несколько снимков на память. Никас сидел на руках у матери и блаженно улыбался.

– Аясо, – описал он своё состояние.

– Нравится? – спросил я его.

– Да, ясиво.

– Идёмте уже, – нетерпеливо позвала мать. – Время тикает, а мы ещё ничего не увидели.

Она встала во главе нашей компании. Я пересадил сына себе на шею, и мы пошли. Минут через десять нас действительно отпустило. Эйфория сменилась желанием потратить силы. Энергии во мне было так много, что я мог бы пробежать кросс в три километра не запыхавшись. Отчасти, этому помогала гравитация ниже земной. В проспекте утверждалось, что она составляет ноль восемьдесят семь стандартной, за эталон которой взята гравитация Земли.

Птицы летали над головами, совсем не пугаясь нас. Они напоминали тропических пернатых из-за яркого окраса и склонности постоянно орать. Зверюшки взирали на нас с деревьев, из-под кустов, а некоторые просто сидели на тропинке, не собираясь уходить с неё при виде людей. По большей части они напоминали мне гибриды обезьян и медведей, неуклюжие, валкие, но ловкие, когда дело касалось лазания по деревьям. Они казались милыми, потешными и добрыми, словно природа создала в этом месте живые детские игрушки.

Под кронами деревьев, на каждой поляне, меховой оторочкой росли пышные кустарники, усыпанные цветами либо плодами, так и просящимися укусить их за сочный бочок. Помня предупреждение гида, я даже не притрагивался к ним. Остальные туристы, особенно те, кто жили на станции и не пробовали за всю свою жизнь ничего вкуснее сбалансированного желе, боролись с собой, чтобы не полакомиться. Я знал, что они не рискнут, система их так воспитала, что они не станут играть в рулетку. Расскажут потом своим знакомым, как близки они были совершить рискованное дело, но устояли.

– Да, это тебе не чахлый лесок возле нашей деревни, в котором бутылок больше, чем листьев, – произнёс отец. – Красотища. Как тебе, Нин, нравится?

– Да, очень. Хотелось бы забраться в лес, конечно, полазить под деревьями, – призналась она.

– И не думай, – застыл на месте отец. – Грибочки решила пособирать? Они, может, понятия не имеют, что люди грибы едят, потому и не предупредили, что от них слепота случается или вообще съедят твой мозг, а вместо него грибницу вырастят. Отличная тема, грибница под крепкой черепной коробкой, да ещё и самоходная.

– Ой, ну хватит, Коль, развёл тут нытьё. Шире шаг, глубже дыхание. – Мать прибавила ходу.

– Ей справка нужна от космического психиатра с разрешением, – буркнул отец.

– Так, развлекаемся, – напомнил я всей нашей компании, зачем мы здесь собрались. – Может, и зайдём в лесок, гид не запрещал, только ничего брать в руки не будем.

– Спасибо, Гордей. Это мне отец ещё с вулкана напоминает. Тогда он получил моральную травму, и у него сложилось мнение, что мой выбор непременно сулит ему одни неприятности.

– Похоже, у нас это семейное, – посмеялась Айрис, припомнив те же укоры с моей стороны.

– Это было давно и неправда, – заступился я за себя.

Растянувшаяся колонна туристов остановилась перед препятствием – неширокой речкой со спокойным течением. Вода в ней была прозрачной, дно усеяно камешками, над которыми искромётно носились рыбы, отсвечивая переливающейся чешуёй. Народ замер в нерешительности. Реку надо было переходить.

– Так, кто у нас самый решительный? – поинтересовался мужчина, снявший обувь и замочивший ноги по щиколотку.

– Тут не решительность нужна, а умение плавать, – произнёс я. – Наверняка организаторы этого тура придумали какую-нибудь игру, типа переплыви на ту сторону и перекинь верёвку остальным, которую они спрятали на другом берегу.

– А вы умеете плавать? – спросил он.

– Умею.

– Тогда мы ждём, когда вы перекинете нам верёвку.

– А если её там нет? Я же сказал это для примера.

Я выругался про себя. Язык мой – враг мой.

– А как проверить? Переплывите, а мы подождём, – предложил мужчина.

Народ солидарно поддержал его. Айрис посмотрела на меня с улыбкой. Я снял Никаса с шеи и поставил на землю. Скинул с себя верхнюю одежду и остался в одних «боксёрах».

– Если что, скажите руководству, чтобы поставили мост. А вы не намочите мою одежду, – попросил я родственников.

– Уда папа посей? – поинтересовался Никас.

– Наш папа оказался самым смелым и пошёл купаться первым, – пояснила Айрис.

Я вошёл в реку, тщательно проверяя ногами дно. Из-за того что вода была прозрачной, глубина воспринималась неправильно. На третьем шаге мне оказалось по грудь. Вода была холодной, словно со дна били родники. Я поплыл, очень надеясь, что организаторы тура позаботились о туристах.

За несколько метров до другого берега я попытался нащупать дно и достал его, только скрывшись с головой. Всплыл, отплёвываясь от воды. Народ смотрел на меня во все глаза.

– Всё нормально, проверял дно.

Я несколько раз загрёб руками и ступил на твёрдую землю. Выбрался на берег и прошёлся вдоль него, чтобы найти потайную переправу. Прошёл метров сто в одну сторону от тропы, потом столько же в другую. Ничего похожего на верёвку, хотя я надеялся увидеть мост лёгкой конструкции. Я прошёл по тропе на сто шагов от реки. Ничего подходящего. Только милые животные, лениво взирающие на меня отовсюду. Вернулся на берег и развёл руками.

– Ничего нет. Придётся переплывать самостоятельно.

Меня беспокоили две вещи – Никас и мамин рюкзак. Мне не хотелось мочить сына, но это ерунда, его можно перевезти на спине, а Айрис страховала бы рядом. Но тяжёлый рюкзак с вещами на любой случай мог утянуть на дно. А оно тут, похоже, было глубоко.

Я переплыл назад.

Среди туристов начался долгий спор, какой путь выбрать. В нём мы участвовать не стали, отошли в сторону, чтобы посоветоваться меж собой.

– Мам, с твоим рюкзаком не перебраться на тот берег, утопит, – прояснил я свои опасения.

– Да, жаль, – согласилась она. – Я хотела приготовить обед на свежем воздухе, Вестлину угостить настоящей едой.

– Да я не голодна, – произнесла тёща, чтобы не ставить её в неловкое положение.

– Я возьму нож, зажигалку и банку тушёнки, – полезла в рюкзак мать. – У меня есть непромокаемая упаковка для этих целей.

– Да что одна банка, давайте возьмём каждый по штуке. Одна не утопит. Нагуляем аппетит да поедим, – предложил я.

На том и порешили. Мать оставила рюкзак на сучке у ближайшего дерева. Мы взяли по банке консервов. Я спрятал свою в трусы и лёг на воду как крокодил. Айрис усадила мне на спину Никаса, а сама поплыла рядом, придерживая его рукой. Я грёб по-собачьи, чтобы меньше двигать корпусом. Сын восторженно комментировал свои ощущения.

– Папа, кьясс, нлябится.

Отец плыл на одном боку, держа в узле вещи – свои, мои и Айрис. Мать тоже плыла, грёбя одной рукой, присматривая ещё и за свахой, которая последний раз плавала лет пятьдесят назад.

Мы выбрались на берег, снова оделись и пошли дальше. Туристическая группа в нерешительности топталась на другом берегу. Кто-то вернулся назад, ища другие тропинки, кто-то пошёл искать переход на другой берег вдоль реки. А мы двинулись дальше, любуясь красочной природой. Чего стоило поле жёлтых цветов, на котором стоял такой аромат, что хотелось набрать его в банку и закрыть крышкой. Или стать бабочкой и опылять цветы.

Впечатления настигали нас на каждом шагу, будь то животные или растения. Природа планеты, казалось, была создана для того, чтобы у людей не проходил шенячий восторг. Возможно, причина была ещё и в воздухе, создающем лёгкое опьянение, но об этом не хотелось думать. Каждой вдох я делал осмысленно, чтобы насладиться ароматами, приятно щекощущими носовые рецепторы. Этот поход, от которого я не ждал многого, превзошёл все мои ожидания.

– Давайте есть, – остановила нашу группу мать. – Прошла ровно половина времени, как мы приземлились.

– Уже? – удивился я и посмотрел на экран телефона. – Точно, а я и не заметил.

Мы сходили в лес, собрали дрова и развели костёр. Он разгорелся легко, и чуть не сжёг нам банки. Дрова сгорели, не оставив после себя углей, только мелкодисперсную золу – сухой остаток. Мы ели из банок и молчали.

– Смотрите, как меняется небо. – Айрис посмотрела в сторону темнеющего горизонта.

– Похоже на грозу, – заметил я.

– Наверное, это тень от газового гиганта, про которую нам говорили, – предположила Вестлина.

Мы согласились с ней и успокоились.

Глава 4

Вестлина жмурилась от удовольствия, уплетая разогретую тушёнку.

– Не пойму, как вы умудряетесь делать такие вкусные вещи? – Она смачно облизала походную складную ложку. Остальные ели палочками, добытыми в лесу.

– Это разве вкусно? Эх, будь сейчас под рукой наше хозяйство, мы бы тебе такие блюда на костре приготовили, пальчики оближешь, – поддразнила её моя мама.

– А приезжай к нам, – предложил отец Вестлине. – Пока Колька мелкий, понянчишь его, а мы тебя будем баловать гастрономическими изысками.

Тёща смутилась от неожиданного предложения.

– Спасибо, конечно, но даже не знаю. Я пока не готова к таким приключениям. У меня ещё план по социальному рейтингу не выполнен, – не очень тактично отказалась она.

Мне показалось, что её пугает Земля. Что бы мы ни рассказывали о ней, в представлении жителей станции это была дикая территория, на которой действовали непонятные и жестокие законы, а уровень прогресса соответствовал эпохе Средневековья.

– Зря, – поджал губы отец. – У меня складывается ощущение, что погода портится. – Он посмотрел в сторону темнеющего небосвода. – Здесь идут дожди?

– Наверное, как и везде, – решила Айрис. – Жаль, нет связи, я бы поинтересовалась.

– Да они опять придумали какую-нибудь развлекуху для нас, чтобы не скучать, – заявила мать. – Что у нас, что здесь устроители туров действуют по одной схеме – забываемо напугать туриста, преувеличив опасность. – Она посмотрела на потемневший горизонт. – А вот палатку жаль не взяли с собой, промокнем до нитки, если ливанёт.

– Я думаю, тут очень тёплый дождь, – предположила Айрис. – Интересно, с такой концентрацией кислорода лес не загорится от удара молнии?

– Как видишь, ни одного сгоревшего пятна. – Я махнул рукой, показывая сплошной зелёный ковёр нетронутой растительности.

– Да хватит уже собирать что попало, народ, – прервал отец наши фантазии. – Кстати, а где народ?

На тропинке так и не появилось ни одного человека. Никто не решился форсировать реку. Люди выбрали более простые маршруты.

– Нам надо идти до первой попавшейся поляны, с которой нас подберёт челнок, – произнесла Вестлина. – Пока будем ждать его, осмотрим окрестности, в лес заглянем.

– Согласен, хорошая идея, – поддержал её отец.

– А как же рюкзак? Там столько полезных вещей осталось, – забеспокоилась мать.

– Ну, это же неинтересно, второй раз идти снова по тем местам, которые мы уже видели. Давай, Нинуль, мы купим тебе по возвращении всё, что ты оставила здесь. – Отец потискал мать и поцеловал её в щёку.

– Транжира, – ответила она в шутку. – Ладно, идёмте дальше. Как в примете говорится, где оставила напоминание о себе, значит, вернёшься туда ещё раз.

– А что такое примета? – спросила Вестлина.

– Это, мам, такое наблюдение, когда определённое событие порождает связанную с ней реакцию судьбы. Например, если свистеть дома, то не будет денег. Или если дорогу перебежала чёрная кошка, то это к несчастью. Это пережитки, но многие люди до сих пор ими руководствуются, – объяснила ей Айрис.

Вестлина задумалась, затем посмотрела на нас, как на дрессированных собачек, снисходительно-иронично. В её глазах мы резко понизили свой уровень умственного развития.

– Самая верная примета – если начали класть асфальт, значит, пора менять трубы, – добил её отец. – А если баба с утра не разговаривает, значит, она видела сон, в котором вы поругались.

– Правда? – изумилась тёща.

– Почти. Уверен, что вы не такая баба и земные приметы к вам неприменимы, – рассмеялся отец. – Вперёд, туристы.

Мы пошли дальше. Тропинка – думаю, её искусственно создали и не давали зарастать деревьями, чтобы туристам было комфортнее передвигаться – завияла между неровностями ландшафта. Кустарники с огромными ярко-алыми цветами манили подойти и понюхать их, что мы и сделали. Медвежонок, лениво обдирающий ягоды поблизости, отвлёкся от трапезы, приковылял к нам и встал рядом Никасом. Они оказались одного роста. Животное приняло его за детёныша и жестами и возгласами пыталось установить контакт. Никас немного испугался, запрыгал на месте, заливаясь нервным смехом, но, видя, что зверь не подаёт признаков агрессии, потрогал его. Мы стояли на страже. Айрис приготовилась выдернуть сына, а я зверя на случай непредвиденной реакции. Детёныши словно договорились между собой, начали одинаково урчать и хватать друг друга за конечности. Закончилось это тем, что они обнялись и повалились на траву.

Никас пришёл в восторг от общения с животным и хотел остаться здесь, поиграть ещё. Пришлось утащить его силой. Время тура заканчивалось, а мы так и не добрались до поляны, на которую мог приземлиться челнок. Я думал, что они будут встречаться через каждые сто метров, но оказалось, что это не так. Мы шли по узкой тропе, а над нами возвышались деревья, мешающие увидеть, что происходит с тёмной линией горизонта. Мне показалось, что я слышал гром, но на чужой планете звуки могли производить другие неизвестные нам причины.

Отец ушёл вперёд и даже скрылся из глаз из-за слишком крутых поворотов тропы.

– Идите сюда скорее! – позвал он нас.

Мы прибавили шагу, и вышли на поляну. Можно было бы обрадоваться этому обстоятельству, если бы не выступающая в самом её центре коническая глыба бурого цвета. Она так сильно контрастировала цветом и формой с окружающей средой, что казалась искусственным порождением.

– Что это? – застыла на месте мать.

– Я про это не читала, – смутилась Вестлина, поняв, что многое не вошло в рекламный проспект.

– А что вас смущает, дамы? Это порода, выступившая из земли. – Отец направился к глыбе. – Вы же не думаете, что планета создана из одного перегноя, на котором растут деревья?

Примечательно, что возле глыбы трава выглядела не очень здоровой.

– Пап, не подходи близко, вдруг она радиоактивная? – предупредил я его.

– Не собирай что попало, Гордей. Откуда тут радиация?

Он подошёл вплотную и дотронулся рукой до поверхности камня, обошёл вокруг и что-то поискал у основания. Потом спешно направился к нам, будто хотел показать что-то интересное.

– Это не камень, – выкрикнул он издали. Подбежал и показал тёмные камешки в своей ладони.

– А что это? – не поняла мать.

– Это окалина. Глыба железная, на ней имеются следы оплавления, причём в верхней части.

– А если это просто многовековая ржавчина? – предположил я.

– Сынок, это я работал сварщиком, а не ты, поэтому окалину от ржавчины отличаю, – возмутился отец. – Эта штука похожа на громоотвод, но такой жирный, словно молнии тут не чета земным.

– Что вы такое говорите, Николай? Про грозы на этой планете не было сказано ни слова. Уж такой информацией с нами точно поделились бы. Вы же знаете, что в системе нет потенциально опасных мест. Человеческая жизнь для неё высшая ценность, – убедительно произнесла Вестлина.

– Он сказал, что вероятность опасности десять в минус двадцать пятой степени, – напомнил отец. – И ещё я вдруг подумал, что река была естественным препятствием, которое мы не должны были преодолевать.

– Пап, не нагнетай, пожалуйста, – попросил я его, уверенный, что это не так.

– А я не нагнетаю, а просто предполагаю. В том, что эта штука – громоотвод, я не сомневаюсь. Вопрос в том, как часто тут случаются грозы.

С поляны как раз был виден тёмный горизонт, очень напоминающий грозовой фронт. Только за несколько часов с момента его образования он почти не изменил своего положения.

– Эта поляна не подходит для посадки челнока, надо идти искать другую, – предложил я.

Мы снова тронулись в путь, надо сказать, уже без прежнего энтузиазма. Красота начала утомлять, словно у нас начался похмельный синдром от интоксикации кислородом. Пропало чувство полёта и лёгкости. Я посмотрел на экран телефона. Оставалось полтора часа до окончания тура. Всё, чего я сейчас хотел, это упасть на траву на ближайшей поляне и ждать прибытия корабля.

Две звезды, дающие свет планете, одна совсем маленькая, а другая больше нашего Солнца, почти слились в одну. Из-за яркого света их невозможно было рассмотреть. Только встроенная модификация, помогающая зрению подстраиваться, позволила мне увидеть оба диска. Наступала судная ночь, дающая короткий промежуток времени хищным тварям, чтобы позаботиться о своём желудке.

– Как-то не по себе, – шёпотом призналась Айрис. – Такое ощущение, что мы потерялись. Где все?

– Айрис, с вашими технологиями потеряться невозможно, – успокоил я её.

– Да, ты прав, глупо думать, что все ходят по одной тропинке и приходят на одну и ту же поляну.

– Вот именно. Наслаждайся.

Айрис улыбнулась Никасу и похлопала его по спине. Сын засыпал, сидя у меня на шее, клевал носом и клонился в сторону.

– Утомился больше всех, – засмеялась она. – Жаль, не взяли «кенгуру», он мог бы в нём поспать.

– Какое «кенгуру» для такого здорового пацана? Пусть терпит невзгоды вместе с нами.

– Невзгоды? – переспросила Вестлина и виновато посмотрела на нас.

– Мам, нам нравится этот поход, но Никас утомился, засыпает у отца на шее, – пояснила Айрис.

– Пусть спит, – произнёс отец. – Гордей, когда был маленьким, тоже засыпал у меня на шее. Бывало, пойдём на природу на майские праздники или после посевной всем коллективом, да ещё с жёнами и детьми. Праздник-то общий. С природы возвращаемся уже затемно, Гордей прикорнёт у меня на голове, до самого дома не проснётся. Все волосы мне слюной замочит. А его комары и в руки, и в спину накасают. Он потом полночи чешется и орёт, – засмеялся отец. – Да, были времена.

– Это... это так... – Вестлина пыталась подобрать правильное слово, – жизненно. У нас с Айрис всё было по-другому. Мне даже жаль, что её не кусали комары в детстве.

– Зато сейчас они на мне отыгрались, – призналась Айрис. – Каждую весну и начало лета ждут меня, чтобы напиться крови.

– Она у тебя качественная. Деликатес, – пошутил я и шумно втянул слюну, будто у меня проснулся аппетит.

Спустя некоторое время мы с удивлением обнаружили, что ландшафт стал понижаться. Мы оказались наверху возвышения, откуда были видны тёмные зигзаги тропинок и даже поляны. Лес в самой низине отличался оттенком от того, который рос выше. Он образовывал огромный овал неправильной формы белёсого цвета.

– Я бы сказала, что растения внизу страдают хлорозом. – Мать немного разбиралась в болезнях комнатных растений. – Думаю, там очень влажная почва, вызывающая развитие болезней.

– Болото? – предположил отец.

– Необязательно. Просто низина, очень близко залегают грунтовые воды.

– А может быть, там живут хищники? – зловещим тоном произнесла Айрис.

– Уже боюсь, – хмыкнул я. – Смотрите, вон тёмный круг, это поляна. До неё двести метров, считай всё, уже пришли.

Мы набрали ход под горку и вскоре оказались на поляне, самой обыкновенной для этой планеты, без всяких препятствий для посадки челнока. До окончания тура оставалось ещё пятьдесят минут. Я осторожно спустил спящего сына с шеи и передал его деду, а сам развалился на мягкой траве. Блаженство после многочасовой прогулки. Планета-гигант ушла за горизонт, поэтому надо мной раскинулось чистое небо, в котором звёзды, дарующие тепло и свет планете, собирались устроить непродолжительное соитие, во время которого они теряли контроль над вверенной им территорией. Жаль, конечно, что мы не увидим столь необычной трансформации этого красивого мира, но жаль в гипотетическом смысле. Я не хотел стать объектом охоты, а тем более рисковать женой или сыном. Как натуралисту, мне было бы интересно, но как семьянину – ни за что на свете.

– Сколько осталось? – спросил отец, так же, как и я, лёжа в траве.

– Полчаса, – ответил я. – Вы же хотели погулять по лесу? Можете не успеть.

– Уже нет желания, – сказала мать. – Здесь так много всего, что я устала от этой красоты.

– Тогда лежим и получаем удовольствие, – посоветовал я и закрыл глаза.

Нам, людям, свойственно воспринимать большую часть информации зрительно, в ущерб остальным органам чувств. Мне захотелось послушать звуки этого мира. Я сконцентрировался на слухе, вообразив себя микрофоном. Доминировали птицы, дерущие глотки в лесу, неутомные пернатые, не умеющие договариваться между собой молча. Едва слышны были ворчания животных и звуки насекомых, порхающих надо мной. Мать с Вестлиной негромко разговаривали. Айрис забрала сына у деда и играла с ним в догонялки.

И вдруг, одновременно, все звуки природы затихли. Наступила пугающая тишина, которая явно что-то значила. Я посмотрел сквозь пальцы на небо. Нет, светила ещё не сошлись в одно. Учитывая запас времени, данный нам гидом, до события, называемого здесь сменой суток, оставалось больше полутора часов. Нейроинтерфейс пикинул внезапной активностью. Я услышал обрывок речи:

– ...геомагнитная активность, теряем свя...

Мы переглянулись.

– Твою мать, – вскочил отец. – Твою же мать! Это что, розыгрыш? Сватья, что это?

Вестлина растерялась.

– Я понятия не имею, что это значит, – призналась она. – Наверное, шутка такая напоследок.

– Не похоже. Небо темнеет. – Отец посмотрел вверх.

Объективных причин для этого не имелось. Планета-гигант не могла давать тень, потому что находилась в другом месте. Грозовой фронт не двигался с места. Но воздух темнел, этого нельзя было отрицать. Бежать куда-то не имело никакого смысла. Мы были там, откуда нас обещали забрать. Над низиной, обозначенной более светлой растительностью, воздух темнел сильнее, чем в других местах.

– Чувствуете, становится влажно? – Айрис растопырила ладонь и подвигала ею.

Мне тоже показалось, что запахло дождём. Трава под ногами засеребрилась капельками росы. Светила в небе образовали радужное гало, одно на двоих.

– А может, они ошиблись со временем? – решила мать. – И смена суток уже началась?

– Тогда что мы стоим? Надо в лес за палками бежать, – сорвался с места отец.

Я побежал за ним. Нужно было иметь хоть какое-нибудь оружие, чтобы отбиться от ночных хищников. Здешняя природа была ориентирована на быструю утилизацию органического материала. Всё, что упало на землю, было покрыто плесневыми грибами и лишайниками, съедающими отжившую своё плоть за короткий промежуток времени. Пришлось ломать зелёные ветки, сопротивляющиеся нашему вандализму.

Хорошо, что я был силён, и мне удалось наломать дубинок. Мы вынесли их на поляну. Вместе с Айрис принялись отделять от них мелкие ветви, чтобы они больше походили на оружие. Тёща не находила себе места, расстроенная испорченным отдыхом. Ей никто ничего не говорил, она сама доводила себя.

– Вернусь, я им устрою! Они мне тысячу баллов будут должны! Надо же, никакой информации, только та, что нужна для завлечения. А тут... простите меня, сватья и дети.

– Ты не виновата, – помахал дубинкой отец. – И на систему бывает проруха, даже когда десять в минус двадцать пятой степени.

– Мне вообще кажется, – призналась Айрис, – что там, куда попадаем мы с Гордеем, обязательно что-нибудь случается и никакая статистика не способна на это повлиять.

– Так вот, значит, в чём была причина активности вулкана, – усмехнулся отец. – Это вы его пробудили.

– Очень даже возможно, – согласился я. – Вы же не станете отказываться от родительских прав ради такой мелочи, как смертельный риск?

Пока мы бегали по лесу, воздух потемнел ещё сильнее. Он стал похож на серый туман. Влага висела в нём как подвешенная. Её будто вытянуло из земли и растений неведомой силой. Судя по обрывку фразы, услышанной через нейроинтерфейс, причиной тому была геомагнитная активность. Непонятно, каким образом она была связана с возникновением необычного тумана.

На местные солнца теперь можно было смотреть не щурясь. Два ярких шара, большой жёлтый и маленький бело-голубой, сблизилась вплотную. Челнок до сих пор не объявился. Я попытался активировать нейроинтерфейс на обратную связь, чтобы узнать, когда их ждать, но слышал только шумы, один из которых здорово напоминал мне гудение набирающих ёмкость конденсаторов киношных дефибрилляторов.

Яркая вспышка, сверкнувшая перед глазами и ослепившая на несколько секунд, завершилась пушечным выстрелом. Никас, сидевший на руках Айрис, закричал от страха. Я кинулся к нему и принялся успокаивать.

– Это молния, сынок, это нормально, так бывает. Сейчас пойдёт дождь. – У меня свистело в ушах, отчего собственный голос раздавался как будто со стороны.

– Домой ату, – сквозь слёзы произнёс сын.

– Потерпи чуть-чуть сынок, скоро мы поедем. Ну его в одно место, этот отдых.

Айрис прижала Никаса к себе и целовала в щёку.

– Я же говорил вам, что это окалина. – Отец показал нам на светящийся красным железный зуб громоотвода. – Молния ушла в него и раскалила докрасна.

Рядом с громоотводом воздух светился, словно ионизированный. В нескольких километрах от нас снова сверкнуло, и через несколько секунд донёсся гром, но уже не такой страшный. Пятно ионизированного воздуха засветилось над вершинами деревьев, а в его центре едва заметным красным пятнышком обозначился другой громоотвод.

– Народ, по ходу, мы реально отклонились от маршрута, и нас занесло внутрь природного суперконденсатора, – предположил отец. – Я не электрик, но мне так кажется.

– Почему они не предупредили нас, что за реку гулять опасно? – Моему возмущению не было предела.

– Они же не знали, что земляне не поймут очевидного для них предупреждения, – пояснила Вестлина. – Мне эта переправа сразу показалась слишком рискованной.

– Нас что, теперь бросят? – испугалась мать.

– Не думаю. Они же умеют считать. Нас всё же шестеро было, нельзя не заметить. Подберут, обязательно подберут. – Я постарался быть уверенным, потому что не хотел оказаться в том периоде, когда на охоту выберутся хищные твари.

Айрис тоже выглядела напуганной. Всё дело в сыне, за которого мы боялись больше всего и даже теоретически не могли допустить, что с ним может что-нибудь случиться. Малыш создавал непривычное для нас состояние неуверенности перед возможной дракой, которая в свою очередь мешала лёгкости принятия решений. Мы ещё не знали, чего ожидать от здешних животных, но готовились к тому, что эти полчаса местной ночи придётся выкладываться на полную. Ребёнок связывал нас по рукам и ногам. Мы не могли отдать его родителям, потому что они сами нуждались в нашей защите, и с ним как бойцы они были никакими.

– Гордей, пусть он сидит у тебя на шее, а ты будешь крепко держать его левой рукой. Встанем спиной к спине и будем отбиваться, – предложила Айрис свою тактику.

– Согласен, звучит логично.

– Нин, мы тоже встанем с тобой спиной к спине и будем отбиваться, – предложил отец матери, и для демонстрации решительности помахал дубиной.

– А мне куда встать? – Вестлине стало неловко, что у неё нет надёжного тыла.

– Мамочка, становись рядом с нами. – У Айрис дрогнул голос от жалости к матери. – Вообще пусть никто не отходит от нас. Мы с Гордеем люди закалённые в подобных ситуациях, выкрутимся.

– Надо же, наш сын умеет драться. Кто бы мог подумать про тебя такое. – Отец будто не верил мне, считая прежним тухлой-матюхой.

Яркая вспышка ударила по глазам и сотрясла воздух с такой силой, что я от неожиданности упал на колени. Меня слегка контузило. Когда зрение вернулось, я увидел, что все лежат на траве и держатся за уши. Воздух вокруг нас наэлектризовался и будто даже разогрелся. Волосы на голове и руках зашевелились, как живые. Айрис успокаивала Никаса. С ним случилась истерика. К дочери подбежала Вестлина и тоже попыталась как-то помочь. Она больше всех считала себя виноватой за ситуацию, в которой мы оказались.

Железный зуб громоотвода светился красным сатанинским светом, злобно предрекая нам страшные испытания. Хотелось верить, что он достаточно надёжно притягивал к себе молнии. Уж больно мощными были они здесь. Молнии засверкали по всей низине и за её пределами, напоминая работу катушки Теслы. Гром раскатывался орудийной канонадой по округе. Я посмотрел в небо. Светила уже соприкоснулись. Здешняя ночь формально могла считаться начавшейся.

Я забрал у Айрис хнычущего сына.

– Всё нормально, сынок, это молнии, природное явление, которое не несёт никакой опасности. Считай, что это весело. – Я посадил его на шею. – Крепко держись за папку и ничего не бойся.

Вряд ли он внял моим увещаниям. Я сам себе не верил.

– Вставайте рядом с нами, – позвал я родителей и тещу. – Пора принимать боевую позицию.

Мы встали кучкой, спина к спине, чтобы держать оборону во все стороны, понятия не имея, с кем придётся воевать. Хотелось, чтобы это были милые зверушки, не больше той-

терьера, пусть с клыками, дурным характером и даже неудержимой смелостью, но выбывающие из игры после одного удара дубинкой.

Молния сверкнула рядом, громыхнул гром. Никас крепко ухватился за мои уши, но не расплакался. Если он начнёт с такого возраста попадать с нами во все переделки, то мне страшно представить, насколько закалённой станет его психика. Айрис обернулась на секунду, чтобы узнать состояние сына, подмигнула ему и широко улыбнулась, отметив его смелость и выдержку.

– Мужик, – прокомментировал я. – Ещё минута, и он уснёт от скуки.

Пока никаких хищников мы не видели. Я принял их отсутствие на счёт внезапной странной грозы, которая могла их так же испугать и спутать все планы на охоту.

– Смотрите! Смотрите! – Мать запрыгала на месте. – Эге-гей, мы где-е-есь! – закричала она, размахивая дубиной, как флагом.

Я посмотрел в небо и увидел тёмный силуэт снижающегося челнока. Мне стало так легко и смешно, мы так серьёзно поверили, что нас могут бросить. Разве могут люди в системе поступить с нами так подло? Ведь человеческая жизнь для них высшая ценность.

– Ну, вот и закончился тур, который останется надолго в нашей памяти, – произнёс я весёлым голосом. – Даю руку на отсечение, шутка с грозой – это их спецэффекты. Не такие они и опасные, как выглядят. Бьют только в громоотводы.

– В задницу пусть им такие спецэффекты бьют, – зло произнёс отец.

Челнок начал вертикальное снижение. Вдруг яркий разряд молнии выстрелил прямо в спасительный транспорт. И тут же второй вдогонку. Челнок вспыхнул и, ускоряясь, полетел к земле в сопровождении двух разрядов грома. Он рухнул от нас всего в сотне метров, упав в лесную чащу. Женщины не издали ни звука. Замерев, мы смотрели во все глаза на поднимающийся над лесом дым.

Глава 5

– Наверное, надо идти спасать? – несмело предложила моя маман. – Вдруг кто-нибудь выжил?

– Я в лес не полезу, пока не закончится гроза и здешняя ночь, – наотрез отказалась Вестлина. – Пусть высылают другой челнок.

Это было логично, хотя и совсем не героично. В транспорте могли остаться выжившие, которым требовалась помощь. Однако если в лесу сейчас должны проснуться хищники, а некоторые из них являлись представителями царства растений, которых без опыта не распознать, то помощь могла оказаться гарантированным самоубийством.

– Выждем полчаса, пока не закончится ночь, – предложил я.

Меня поддержали молча. Ещё одна молния, притянувшись к железу, ударила в район падения челнока. Нам стало ещё очевиднее, что спасение вероятных жертв крушения – штука опасная. Дым после удара молнии повалил ещё сильнее. Он медленно стлался над деревьями, направляясь в нашу сторону. Вскоре в воздухе запахло горелым пластиком и резиной.

Гроза прекратилась так же внезапно, как и началась, будто природный дефибриллятор выполнил свою роль, реанимировав коматозное тело планеты. Нам стало чуточку легче дышать. Воздух светлел, влага из него куда-то исчезала. Через несколько минут она осталась лишь в виде росы на траве. Я посмотрел на небо. Ночь только начиналась. Светила образовали фигуру снеговика или неваляшки. Вынул телефон и понял, что с ним не всё в порядке. Экран выдавал разноцветную рябь, причиной тому могли быть сильные электромагнитные помехи во время странной грозы. Я только собрался поинтересоваться состоянием телефонов у остальных, как округу огласил продолжительный вой:

– Уу-у-у-а-а-а!

Он разнёсся по всей низине.

Вестлина чуть не сорвалась на бег. Айрис вовремя ухватила её за руку.

– Ты куда? – спросила она строго.

– Здесь опасно, надо бежать! – Тёща была охвачена приступом паники, при котором любое действие казалось спасительным.

– Стой здесь и не двигайся, – строго приказала ей Айрис. – Мы не знаем, как выглядят хищники, как устроено их зрение и слух. Может быть, они как раз и охотятся на тех, кому не терпится побегать.

– У-у-у-у-а-а-а-а! – раздавалось ещё из нескольких глоток.

Через минуту вой раздавался отовсюду. Он так сильно напрягал нервную систему, что невольно хотелось бежать. Я повертел дубинкой, чтобы размяться и отвлечься.

– Никас, ты как там? – спросил я у сына, сидящего на моей шее.

– А?

Кажется, я его разбудил.

– Спи, спи, всё нормально.

Никас прислонился к моей голове и засопел. Поразительное хладнокровие и вера в силу родителей. Хотелось бы и мне поверить в силу своих родителей, только они, напротив, лишь добавляли забот. Какой из матери воин? Она замахнуться нормально не сможет, не говоря о том, чтобы попасть дубиной по хищнику.

Вой раздался совсем рядом. Крона деревьев колыхнулась под весом животного. Мы всмотрелись в зелень леса, но не увидели ничего, только услышали рык и похожий на чавканье звук. Мне стало страшно. Где-то в двадцати метрах от нас кто-то кого-то ел. Мы встали плотнее друг к другу и стали ждать, моля бога о том, чтобы часики тикали быстрее, чтобы скорее закончилась эта жуткая ночь.

Хорошо, что трава на поляне была невысокой. Любое существо больше кошки не смогло бы подкрасться незаметно. Я применил модификации, чтобы приблизить зрение, хотел разглядеть на опушке опасность. Мне было любопытно. Здешние хищники охотились на спящую нарколепическим сном добычу, что могло отразиться на их инстинкте охотника. Могло быть так, что подвижные животные принимались ими за представителей своего вида, или же за других хищников. Наверняка богатая природа могла позволить себе поддерживать большой выбор плотоядных животных.

Краем глаза я увидел, как отец перехватил дубинку. Обернулся и обомлел. С его стороны из леса приближались трое животных. Сравнить их с земными аналогами у меня не получилось, уж больно они были своеобразными. В высоту по пояс среднему человеку. Большая, из-за вытянутой вперёд тупоконечной пасти, голова. Глаза примерно там, где должны быть ноздри. На макушке вытянутый вверх мышечный отросток, напоминающий хоботок. Особенно забавным мне показался способ их перемещения. Животные сцепляли длинные лапы в кистях и опирались на них, могли при этом сгруппироваться и сделать кувырок внутрь кольца из лап. Этот способ перемещения чем-то напоминал обезьяньи забавы.

Тем не менее, вид у них был грозным и опасным. Мы не представляли, какой военной хитрости от них ждать, а они неотвратимо приближались.

– У-у-у-а-а-а! – завопил один из них.

Никас дёрнулся и проснулся.

– Папа, а то это? – спросил он.

– Бабайки, – ляпнул я первое, что пришло на ум.

– Пьюгоны их, – посоветовал он мне.

– Сейчас прогоним. Сиди крепче.

Никас сжал мне шею ногами, выполняя отцовский наказ.

Животные разделились. Двое пошли по флангам, а средний, самый горластый, присматриваясь к нам, приближался осторожными, но резкими рывками. Левого взял на себя я, правого Айрис, а средний достался отцу.

– А ну, пошли вон! – выкрикнул я во всё горло.

Хищники замерли, как и лес вокруг нас. Спустя несколько секунд окрестности огласил солидарный хор, явно в нашу честь. Десятки мерзких морд показались на краю поляны. Первым принял бой отец. Тварь, когда осталось метра четыре до людей, сделала резкий прыжок, свернувшись в клубок. Не знаю, что за странный способ атаковать жертву, но нам он был на руку. Отец сделал шаг вперёд и с широкого замаха встретил летящее живое ядро дубиной. Раздался глухой удар. Тварь не мяч, обратно не отскочила. Она вырвала битую из рук отца, а сама свалилась ему в ноги и задёргалась в конвульсиях. Отец пнул её от себя и шустро поднял с травы оружие.

– Крепче держите дубины, – посоветовал он.

Плотоядные напарники потеряли боевой запал и замерли. Но на поляне уже находились не меньше двадцати представителей отвратительных существ.

– Ой, мамочки, какие страшные, – запричитала мать. – Они нас всех сожрут.

– Нин, не скули, – приказал отец. – Кого сожрут, тот лох, поняли?

– У-у-у-а-а-а! – возопила тварь, решившая взять на себя руководящую роль.

Вся банда начала медленное движение в нашу сторону со всех сторон. Организованное нападение не оставляло нам шансов. Я лихорадочно начал соображать, как выбраться из этой ситуации. Если б не сын, сидящий у меня на спине, можно было бы устроить мясорубку, но с ним я становился одноруким бойцом. В нашем отряде только Айрис могла самозабвенно применять модификации, разя обеими руками с одинаковой силой.

– Мам, где твоя зажигалка? – спросил я у родительницы.

Мне в голову пришла интересная идея, которую я хотел проверить, Мать подала мне многоразовую походную зажигалку. Я стянул с ноги ботинок, надел его на дубинку и поджёг. Благодаря насыщенной кислородом атмосфере, каблук быстро занялся огнём. Я дал ему разгореться, прицелился и филигранно метнул прямо с дубины горящий ботинок в главаря хищной банды. Обувь ударилась о его тело, разлетевшись в разные стороны искрами и кусками горячей резины. А горела она, как настоящий напалм. Шерсть твари вспыхнула, превратив её в горящий факел. Визжа, животное кинулось в лес, оставляя за собой дымный след, пахнувший горелой шерстью. Наступление застопорилось. Чувствительные хоботки тварей задёргались в конвульсиях, улавливая неприятные запахи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.